

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ
Золотой ключ,
или Похождения
Буратины

La Comédie
inhumaine

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

Золотой ключ,
или
Похождения Буратины

La Comédie humaine

Москва • 2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6
КТК 610
Х 20

Харитонов М.

Х 20 Золотой ключ, или Похождения Буратины : [роман]. — М. : Флюид ФриФлай, 2019. — 800 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Роман Михаила Харитонova носит подзаголовок «нечеловеческая комедия» — и действительно, замысел «Золотого ключа» сопоставим по масштабу и с романым циклом Бальзака, и с великой «Комедией» Данте (которую, как известно, божественной назвали лишь спустя время потомки).

Перед вами книга увлекательная, легкая, гомерически смешная, раблезиански неумеренная, злободневная, философская, провокационная, переступающая через все табу и нарушающая все мыслимые границы — словом, именно такая, какими только и бывают книги поистине великие.

ISBN 978-5-906827-27-2

© М. Харитонов, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© П. Лосев, оформление, 2019

Блуждая по пустыне мира сего, я случайно набрёл на некое место, кое служило прибежищем, и улёгся там, чтобы уснуть. И покуда я спал — я грезил.

Джон Беньян. Восхождение странника

То, что хотел бы я высказать, высказываю не подлежаит.

Людвиг Витгенштейн. Бытие и время

ОТ АВТОРА

Дорогие мои ребятки! А также уважаемые взрослые дяденьки и тётеньки!

Когда я был маленьким — а было это, если подумать, давным-давно, хотя мне до сих пор кажется, будто это было совсем-совсем недавно, — я читал одну книжку про деревянного человечка. Она называлась «Золотой Ключик, или Приключения Буратино», и мне она очень нравилась.

Правда, похвалиться перед своими друзьями-приятелями я этой книжкой не мог, потому что они её тоже читали. И — представьте себе! — вообще все дети её читали. Ведь в те далёкие-далёкие времена у нас была советская власть, а при советской власти жизнь у ребят была очень скучная. Дети тогда почти не пили водку, не нюхали клей, не обдалбывались веществами и даже сексом занимались редко и нерегулярно. Как-то всё это было не принято. Книжек про Гарри Поттера тоже не было, а интересные и полезные журналы Yes, Cool, Oops, Fuckel и SOSka почему-то не выпускались. Так что мы развлекались сами как умели: бегали во дворе, играли в футбол, лазили на деревья, дрались, потом мирились, часами болтали о всякой всячине. А порой — и такое бывало! — сидели дома и читали книжки. Сначала про Колобка, про лисичку-сестричку, а потом уже и про Карлсона, который живёт на крыше, про Маугли, про Гулливера. Ну и про Буратино.

А те ребята, которые читать не любили, всё равно знали про деревянного человечка. Потому что взрослые сняли по этой книжке кинофильм, и даже не один! И, конечно, все его смотрели, все-все-все: ведь тогда по телевизору не показывали красивое настоящее кино про Ганнибала Лектора, Фредди Крюгера и Человека-Паука. Не говоря уж о Покемонах и Телепузиках — их даже и в заводе-то не имелось. Уж такие тогда были времена!

Взрослые тоже откуда-то знали шалуна и проказника Буратино. Во всяком случае, они иногда рассказывали про него разные истории. При-

чём такие, которых в книжке не было. Например, как Буратино напился пьяным, и про то, что у него было с девочкой Мальвиной, и про то, что у девочки Мальвины было с пуделем Артемоном, и многое-многое другое. Назывались эти весёлые истории «анекдоты», а откуда они берутся, взрослые нам не рассказывали.

Но я-то был мальчиком начитанным и смышлёным. И знал, что одну и ту же книжку иногда издают по-разному: для детей — потоньше, а для взрослых — потолще, со всякими подробностями. Например, была детская книжка «Гулливер», про большого английского дядьку, который попал на остров к маленьким человечкам. А была и взрослая книжка, которая называлась так же, но в два раза толще. И там тоже большой дядька попадал на остров к коротышкам, однако ещё вёл с ними всякие сложные разговоры про политику, а потом пописал на какой-то их домик — а в детской книжке про это не было, и про политику там ничего не говорили. Ещё была детская книжка «Маугли», а была взрослая «Книга Джунглей», которую детям даже и не показывали. А ещё я знал про французские книжки «Гаргантюа и Пантагрюэль», которых было тоже две — взрослая и детская. И которая взрослая — та была вся про писанье и каканье, и ещё про всякие гульфики, и про то, что там внутри этих гульфиков. А в детском «Гаргантюа» не было никаких гульфиков. И про писи и каки тоже ни словечка. Оттого-то и читать её было скучно-прескучно.

Вот потому-то я решил, что и про Буратино тоже есть взрослая книжка, большая и толстая. Где разговоры про политику, и про Мальвину с пуделем, и всякие другие интересные истории. И когда я вырасту, то куплю себе взрослую книжку про Буратино, прочту её и всё-всё узнаю.

Потом я вырос. И узнал, что большую взрослую книжку про Буратино почему-то так никто и не написал.

Тогда меня это не очень расстроило. Потому что в то время как раз кончилась советская власть и появилось очень-очень много книжек про политику, и про писи и каки, ну и, конечно, про секс — ведь советские люди совсем-совсем ничего не знали про секс, и им было ужасно интересно, что это такое и как это делается. Зато еда и одежда почему-то сделались очень дорогими, так что читать книжки стало некогда. Потому что надо было как-то крутиться и вертеться, чтобы заработать себе и своей семье на еду, не говоря уже о тампакахх и сникерсах, без которых вдруг почему-то стало совершенно невозможно жить. И я тоже закрутился и завертелся, чтобы в моей семье всегда хватало тампаков и сникерсов. Какие уж тут деревянные человечки!

Однако же, через много-много лет, я припомнил моего старого друга Буратино и даже решил перечитать его приключения.

Но сперва я должен вам, ребятки, открыть один секрет. Взрослые люди читают книжки совсем не так, как дети. Дети — они радостные и доверчивые, поэтому им чего не расскажешь — всему верят, как будто так и надо. Детям можно рассказать любую историю, лишь бы в ней

было побольше страшных опасностей и ужасных приключений. А взрослые — я имею в виду *настоящих* взрослых — угрюмые и подозрительные. И поэтому они не только читают, но ещё и думают, нет ли в рассказанной истории каких-нибудь противоречий и несуразностей. И если они их там находят, то они снова берутся за книжку. И начинают её читать секретным взрослым способом: не только то, что написано, а ещё и между строчек. У самых-самых взрослых есть такое специальное умение — читать между строчек, в тех местах, где вроде бы ничего и нет. На самом же деле между строчек обычно рассказывается много всякого занимательного. Только это написано малюсенькими буквами, и к тому же они того же цвета, что и бумага, поэтому их не видно. Однако если смотреть очень-очень пристально, то кое-что всё-таки можно разобрать.

Так вот, перечёл я ту детскую книжку про Буратино и нашёл в ней множество всяких противоречий и несуразностей. Например, почему куклы в кукольном театре сразу признали Буратино, хотя никогда его до этого не видели? Откуда у Мальвины домик на сизой поляне? Почему ей служили звери, птицы и даже вольные бабочки? Зачем Карабас-Барабас так хотел получить золотой ключик — неужели всего лишь из-за старого кукольного театра? И, кстати, откуда он его взял — до того, как потерял в пруду? По какой такой загадочной причине черепаха Тортилла сначала не хотела рассказывать Карабасу-Барабасу про золотой ключик, а потом рассказала ему всё-всё-всё? Кто такой Тарабарский король, чьим именем Карабас-Барабас пытался всех напугать? Откуда взялся на дверце за холстом портрет Буратино? К чему на занавесе кукольного театра золотая молния? И ещё триста тридцать три почему и отчего, ответа на которые в книжке я так и не нашёл, хотя очень старался.

И мне ужасно — ну вот просто ужжжасно! — захотелось всё узнать и найти всему объяснение.

Тогда я сел за стол, положил перед собой книжку про Буратино и стал разбирать то, что написано между строчек маленькими-маленькими буквами.

Это было очень трудно, потому что зрение у меня уже не такое острое, как в молодые годы, а невидимые буквы между строчек ну *очень* маленькие и совсем-совсем неразборчивые. Но всё-таки кое-что разобрать мне удалось. Хотя это заняло очень-очень-очень много времени.

Так вот: там, между строчек, я вычитал много-много интересного. И про то, откуда у Мальвины домик, и откуда у Карабаса ключик, и про Тортиллу, и даже про Тарабарского короля. И, конечно же, там было и про пуделя с Мальвиной, и про секс, и даже про политику.

А чтобы ничего не забыть и не перепутать, я записывал всё, что прочёл между строчек, в специальную тетрадочку. Потом получилась ещё одна тетрадочка, и ещё одна, и ещё одна. И когда я наконец всё прочитал до конца, то понял, что у меня получилась та самая взрослая книжка про Буратино, о которой я мечтал в детстве.

Тут-то мне и пришло в голову эту книжку опубликовать. Не за-ради какой-то выгоды или там славы, а просто так. Для развлечения людей любознательных.

Но на всякий случай, чтобы эту большую книжку не перепутали с той маленькой, я решил назвать её немножко по-другому. По-взрослому. А взрослые не любят маленькие вещи, которые называются специальными маленькими словами — такие, как «сумочка», «лопаточка» или там «ключик». Взрослые ведь себя считают большими и важными. Поэтому они любят большие вещи и важные слова — «сума», «лопата», «ключ». И ещё: взрослые не верят в приключения. Им почему-то кажется, что все приключения на свете давным-давно кончились. Зато взрослые иногда пускаются в похождения. Разница между ними такая, что от приключений люди становятся умнее и лучше, а от походов только портят себе жизнь и здоровье.

Потому-то эта книжка и называется: «Золотой Ключ, или Похождение Буратины».

Правда, она получилась не такая простая и весёлая, как та старая сказка. К тому же в ней есть разговоры про всякие скучные взрослые вещи, даже про политику, а то и всякие глупости вроде секса и насилия. Я, конечно, понимаю, что вам, ребята, не очень интересно читать про это, потому что ваши любимые журналы Yes, Cool, Ooops, Fuckel и SOSka только про них и пишут (и это не считая телевизора). Так что вы можете просто пропускать эти скучные места.

P. S. В книжке иногда попадаются непонятные слова. Это потому, что герои книжки живут в очень-очень отдалённом будущем, а там много чего устроено не как у нас. Но вы особенно-то не пугайтесь! Как правило, все эти слова становятся понятны по ходу чтения. В крайнем случае их можно пропустить без особого вреда. Однако для самых-самых дотошных и въедливых читателей, непременно желающих знать всё досконально и во всех подробностях, автор приготовил специальный словарик. Пока что его можно сыскать только в интернете. Например, вот здесь: http://samlib.ru/h/haritonow_m_j/buratinadict.shtml. Ну да будем надеяться, что мы когда-нибудь и словарик издадим отдельной книжечкой. И много ещё чего, к нашей истории относящегося.

Прочие непонятности разъяснены особо. В постраничных сносках — то, что требует немедленного объяснения*. А позади книжки есть ещё раздел «Примечания и дополнения». Вот там для вдумчивого читателя, что называется, стол накрыт. Очень там всего интересного много, интересного и вкусного. Вы ту страничку заложите какой-нибудь закладочкой и после прочтения очередной главы — туда заглядывайте.

* Например, переводы иноязычных слов. И другие короткие замечания вроде этого.

И вот ещё кое-что важное, тоже про слова. Иногда наши герои — особенно в раздражении — ругаются *по-взрослому*. Ну вы, наверное, тоже знаете всякие такие словечки на разные буквы: и на *пэ*, и на *хэ*, даже на *е*. Я-то, конечно, не стал бы писать такие слова нарочно. Но что ж поделать, если наши герои ужасно невоспитанные? Зато вы-то очень даже воспитанные, ведь правда? Поэтому, если вам вдруг попадётся нехорошее слово — не читайте его целиком, а зажмуривайтесь по-честному. А если вдруг не успели зажмуриться и всё-таки прочли — плюньте, дуньте и скажите волшебное заклинание: «Укроп-репа, духовная скрепа, окорми меня, грешного». От этого всё плохое распадается на целебную плесеньку и сладкий липовый медок. Которые вам уж точно не повредят.

Так-то и вы сможете прочитать эту книжку от корки до корки. И совсем-совсем не оскоромиться.

*Искреннейший ваш друг и доброжелатель
добрый сказочник Михаил Харитонов*

ПРИКВЕЛ. СУНДУК МЕРТВЕЦА

2013 год. 21 декабря.

Российская Федерация. Иркутская область.

Ночь.

Депутат Государственной Думы шестого созыва Викентий Виленович Пархачик маялся животом — последний раз в жизни.

Если бы он о том догадывался, то, небось, не беспокоился б из-за пустяков. Однако роковая догадка его не посетила. Поэтому он сердился. И даже — роптал.

Более всего Викентий Виленович был возмущён тем, что ему не создали условий. Нет, он не ждал японской сантехники и подогретой сидушки. Но хотя бы обычный унитаз, рулон бумаги, крючок для одежды и приватность отдельной кабинки! Вместо этого он был вынужден, приспустив полосатые бриони, раскорячиваться над суровым бетонным выемом в полу. Рядом был такой же выем, и ещё такой же, и ещё: сортир был серьёзным военным сооружением на двадцать четыре очка. Когда-то в нём оправлялось целое отделение. А может, взвод. Викентий Виленович, несмотря на многолетнее членство в думской оборонной комиссии, смутно понимал разницу между отделением и взводом. В армии он не служил, в чём не любил признаваться. Зато он стрелял из станкового пулемёта, катался на Т-84У*, украшенном партийной символикой — два раза, — а также снимался в предвыборном клипе Владимира Вольфовича Жириновского «Слава Русскому оружию!» в костюме маркитантки.

Депутат злился ещё и потому, что внезапно случившийся понос внёс коррективы в его текущие планы. Он собирался перекинуться парой слов с Крыпатченко до того, как все сели за стол. За стол он, впрочем, тоже собирался: ему хотелось выпить и закусить. То есть хорошо выпить, плотненько закусить и ещё выпить. Он уже даже и начал: хряпнул из фляжечки. Это было необходимо хотя бы потому, что опускаться в лифте

* Украинский танк на базе Т-84. Полное название — Т-84У «Оплот».

на три километра вниз ему до сих пор не приходилось. Такое событие следовало отметить: оно пополняло коллекцию нестандартных жизненных ситуаций, в которые Викентий Виленович попадал регулярно. Ему случалось заходить в синагогу в арафатке, закусывать кумыс швейцарским горьким шоколадом, писать лирические стихи в газету «Анархия!», членствовать в Счётной комиссии на втором съезде Социал-кальвинистской партии, выступать на митинге в защиту сексуальных меньшинств — в смокинге, с накладной силиконовой попой, — и далее по всем кочкам, пока не удалось осесть в ЛДПР, этом последнем прибежище оригиналов.

В партии его любили за понятливость, жизнелюбство, ну и за весёлую фамилию. Она как-то по-особенному оттеняла — а местами и подсвечивала — кругленькую, румянющую мордочку её обладателя. Это чрезвычайно развлекало Лидера.

Кое-как завершив начатое, Пархачик подтерся предусмотрительно прихваченной со стола салфеткой, убрал нехороший след с ванлаковской рубашки, накинул пиджак и вернулся в зал. Там шумел-гремел позор московский — поздний банкет. Ну, относительно поздний. На поверхности было что-то вроде четырёх утра: мрак, собачий чёрный холод и кривые ёлки в снегу. По Москве — где-то одиннадцать, самый разгар пятничного оттопыра. По своему внутреннему состоянию Викентий Виленович дал бы полночь. Какое время тикало здесь, под землёй, на спецобъекте, построенном в семидесятые на случай всеобщего ядрён-батона — затруднился бы определить и сам Владимир Вольфович, всегда имеющий мнение по любому вопросу жизни и смерти.

Помещение, где пили москвичи, пугало размерами. Это был огромный бетонный короб с гулким эхом. Подпотолочные лампы — каждая величиной с корыто — освещали ободранные стены и накрытый стол, смотрящийся в этих интерьерах несколько инопланетно.

Когда-то зал был полон секретного оборудования. Теперь от бывшего великолепия остались только железные лестницы, ведущие к люкам, высокие сварные стойки с характерными дырками, — при виде их в памяти депутата шевелилось невесть как застрявшее в ней слово «крепёж», — да ещё огромная карта Земли, насмерть вмурованная в стену: два выпуклых полушария, напоминающие гигантскую жопу.

Прямо под ней, во главе стола, восседал, крепя спину и расправив погононосные плечики, генерал РВСН Фирьяз Давлетбаевич Давлетбаев.

Как и большинство генералов, Викентием Виленовичем когда-либо виденных, Давлетбаев был росточком метр шестьдесят восемь с каблуками. Лицо у него было военно-восточного типа — вместо влажного вымени, типичного для славян, дослужившихся до большой звезды, у Фирьяза Давлетбаевича на плечах росла сухая твёрдая башка, бритая под барабан. Щёки и подбородок генерала были выскоблены до какого-то неприличия, как лобок порнодеи. Конские глаза его блестели бессмысленно и беспощадно.

Генерал депутату не то чтобы не нравился, но вызывал беспокойство. Во-первых, он напоминал ему тестя, восточного человека. В делах тесть был архиплезен, однако неприятен в быту — в частности, излишним вниманием к запутанной личной жизни зятя. Во-вторых, депутат знал, что генерал Давлетбаев известен не только хозяйственно-снабженческой жилловатостью, но и причудливо-вздорным нравом, а в войсках имеет устойчивую репутацию ебанутого. Впрочем, российская армия вообще богата на мундирных ебанько, этого добра Виленович уже насмотрелся, заседал с такими во всяких смешанных комитетах и особых совещаниях. Иногда он задумывался, что же будет, если этим утыркам и в самом деле придётся воевать по-настоящему. Однажды он поделился своими сомнениями с Лидером. Тот подумал секунды две и ответил: «А ничего, сперва положат половину армии, потом придут в себя и вспомнят, чему их в Академии учили». Владимир Вольфович, когда не выступал перед публикой, обычно говорил умные и верные вещи. Тем не менее Пархачик с ним внутренне не согласился. По его ощущениям, чтобы прийти в себя, генералам придётся сначала известить процентов семьдесят личного состава.

Банкет имел место по случаю подписания протокола приёма. Противоатомное убежище сдавали на консервацию, предварительно списав и активировав всё, что вообще можно было активировать и списать. К огорчению генерала Давлетбаева, кое-чем всё-таки пришлось поступиться, в основном из-за косности компетентных инстанций, а также из-за конструктивной недостаточности грузовых лифтов. Тем не менее вывезенного на поверхность добра хватало в общей сложности на несколько скромных шале на Лазурке. О чём депутат, разумеется, знал. Как и о том, сколько получил — и для передачи, и себе на карман — председатель комиссии Крыпатченко, подписавший Давлетбаеву нужные бумаги.

Сам Викентий Виленович был по этой части обойдён, но в рамках приличия. Денег ему, как человеку без права подписи, никаких не полагалось, зато уважуха, накрытая поляна и последующий досуг подразумевались. Чем он и намеревался воспользоваться и ни в коем случае ни в чём себе не отказать. Отказывать себе в чём бы то ни было Кеша — так звал его Лидер в добрую минуту — считал безнравственным.

Банкет тем временем пережил первую волну тостов и тихо стагнировал в ожидании второй. Люди разбились на кружочки и базарили — не то чтобы по делу, а где-то около, принохиваясь и прихрюкиваясь к разным темам, а то и просто так.

Благообразный седобородый дед в недорогом, но хорошо сидящем костюме внимательно слушал молодежявого майора, который, горячась и разбрасываясь руками, рассказывал, насколько под Ямантау было круче. Долговязый пиджак, слегка заикаясь, спорил с низеньким подполом в лопающемся на пузе мундире о тактико-технических характеристиках танка «Абрамс», причём подпол всё время повышал голос. Пьяненькая тётенька, лет десять назад очень даже ябвдульная, а теперь всего лишь

условнобабелная, страдала от мужского невнимания и показывала зачужкованную ножку — на вид тёплую, но с просвечивающим синяком под коленкой, что наводило на мысль о какой-то драме. Рыжий прапор, неведомо как проникший на барский пир, споренько накидывался водочкой, время от времени набивая рот селёдкой с луком. Пи́л прапор быстро и умело. Викентий Виленович аж залюбовался такой целенаправленной и успешной работой над собой.

Пархачик присел на прежнее место, как раз возле прапора. Подтянул чистенькую тарелочку, странным образом выжившую на этом столе. Нагрузил холодными баклажанчиками, опробовал. Баклажанчики хорошо, правильно улеглись в желудок, тот и не буркнул. За это депутат вознаградил себя кстатì подвернувшемся коньячком. Коньячок пошёл чуть жёстче, чем хотелось бы, однако кишок не разбередил. Депутат закрепил успех тарталеткой с козьим сыром.

— Пр-рстите, а вы м-москвич? — поделился рыжий прапор внезапной догадкой. Водочка в нём согрелась до кондиции и требовала слова.

Депутат прикинул перспективы. Разговаривать с водкой в чужом желудке ему приходилось регулярно, и всё, что она может сказать, он в общем-то знал. Рыжий, при взятом темпе, должен был бы минут через несколько начать бороздить мордой просторы стола — или уж впасть в амбицию, а то и полезть в драку. Однако покидать с трудом завоёванное место за столом не хотелось. Пархачик решил пообщаться, а там посмотреть по обстановке.

— Да какой москвич! С Подоляк мы, это село такое, Подоляки, мало кто знает, — вздохнул он специальным образом, как бы открывая провинциальному быдлу перспективу для сопереживания. — Депутат от области. В Москве бываю временно. Не могу в этом городе жить, кошмар какой-то, — закончил он фразой, на которую провинциальное быдло обычно велось.

Прапор не повёлся. Зато государственное словцо его зацепило.

— Депутат... — по-собачьи наклонил он голову. — Депутат. Чего же ты депутат...

Не по-хорошему задумчивая интонация прапора и тыканье не обещали конструктива. Пархачик решил отделаться парой фраз и всё-таки уйти.

— Я депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, фракция Либерально-демократической партии России, — он по опыту знал, что эта фраза озадачивает и сбивает с толку.

— Депутат, значит. Вот вы там депутаты. В Москве. Законы для нас принимаете, — уже откровенно накручивал себя прапор.

— Мы находимся в оппозиции, наши законодательные инициативы торпедируются партией власти, хотя мы внесли в думские комитеты только за этот год около тридцати радикальных предложений... — у депутата включилась пластинка.

Прапор скроил казённую рожу.

— С государством боремся? На какие шиши боремся? На господские?

Викентий Виленович почувствовал себя увереннее: такие заходы он давным-давно научился отбивать из любой позиции.

— На зарплату, — избрал он самый простой и беспроектный ход. — Мне хватает, в Думе буфет дешёвый.

— Буфет дешёвый... Да чего буфет... Я спросить хочу. Просто человеку ответь, депутат. Ну почему у нас всё вот так? Ты мне скажи. Почему у нас всё вот так вот, а?

Депутат понял, что прапора всё-таки перекосячило. Общаться дальше было бы глупо, а то и опасно.

— Простите, я забыл одну вещь, — быстро сказал он. И тут же вспомнил, что и в самом деле забыл одну вещь. А именно — спешно убегая в сортир, оставил свой ноут на подзарядке без присмотра.

Ноут у депутата был уникальный. Не какой-нибудь там попсовый мак-эйр, с которыми половина Думы ходит, а подарочный, минобороновский, в чёрной резине снаружи и с небьющимся железом внутри. Подаривший ноут товарищ особенно подчёркивал, что помимо жёсткого диска, который ломается и размагничивается, в ноуте стоит восемь терабайт какого-то эс-эс-ди, в котором движущихся частей меньше, чем в кирпиче, а инфа может храниться практически вечно. Последнее обстоятельство Викентий Виленович неизменно вспоминал, закачивая на ноут очередную коллекцию прелестных гольшечек... К сожалению, эксклюзивная игрушка довольно быстро разряжалась, так что приходилось всё время её подкармливать при каждом удобном случае. Вот и сейчас он его где-то пристроил, вот только где?

— Ноут я забыл, — закончил он, выбираясь из-за стола.

— Ты на мой вопрос ответить забыл, д-депутат, — начал было рыжий плохим голосом, придвигаясь и набычиваясь. Однако депутат ловко вильнул чреслами, выскользнул — и уткнулся в подреберье долговязого, который втирал про «Абрамс».

— А вот и здарсьте, — долговязый тоже был датый, но умело датый, понимающий, как себя держать подшофе, скорее всего — много и профессионально киряющий в разномастном обществе и знающий себя под всяким градусом и углом. — Всё в порядке? — уточнил он, показывая глазами на рыжего.

— Вы мой ноутбук не видели? — депутат тем временем полностью покинул сферу внимания прапора, и тот притих. — Чёрный такой, резиновый? Я его на зарядку поставил, забыл куда.

— Ноутбук? Чёрный резиновый? Там, — долговязый мотнул головой в неизвестном направлении.

— Там — это где? — уточнил депутат.

— Вы его в зале под плитой, у щитка, поставили, — пояснил долговязый. Депутат заметил, что долговязый не то чтобы заикается, а как бы

удваивает некоторые согласные — на итальянский, что ли, манер. Было в этом что-то неестественное. Как и само лицо долговязого — не славянское, но и не восточное: такое лицо могло бы быть у немолодого араба, если б его как следует потереть ластиком и убрать цвет, а заодно пригладить всё торчащее и выпирающее. «Такие в разведке нужны», — подумал было депутат. Потом вспомнил, чем на самом деле занимается российская разведка, и сморщился, как от кислого.

Долговязый это истолковал по-своему: чуть наклонился, мягко тронул вспотевшую кисть государственного человека сухими пальцами.

— Не беспокойтесь. Ничего с вашим чемоданчиком не буддет.

Викентию Виленовичу и в самом деле стало спокойнее: он вспомнил. Ноут он поставил кормиться у электрического щитка в помещеньице со свинцовым потолком, тяжёлым даже на вид. Помещеньице считалось наиболее защищённой частью комплекса и было рассчитано на полную изоляцию в случае чего. Впрочем, эта сторона дела волновала депутата в последнюю очередь. Важно было, что зал был рядышком, через две двери, так что можно было не бежать сломя голову за своим имуществом прямо сейчас — и потом не знать, куда его деть. А спокойно посидеть, уговорить фуфырик-другой. И подхватиться уже при сборах.

— Тост! Тост! — закричал кто-то жестяным военным голосом и застучал ложкой по стакану, пробивая звоном жужуканье и гундэж. — У Фирязя Давлетбаевича! Созрел! Тост!

— Началось наше всё, — долговязый сыграл голосом трезвость и оттого в самом деле протрезвел секунд на двадцать. — Теперь придётся слушать. Давайте-ка сюда к нам, тут яйца с икрой. Хотя икра — те же яйца, только рыбы, — философически заключил он, достигнув верхней границы абстрактного мышления, доступной российскому военному.

Викентий Виленович решил на старое место не возвращаться: рыжего прапора наконец накрыло. Он сидел в характерной позе, свесив голову на грудь, и уже готов был с грохотом пасть. Поэтому Кеша благосклонно кивнул и уселся на чей-то стул. Перед лицом оказалась чужая тарелка, измазанная едой, и захватанный пальцами стопарик. Депутат покрутил башкой и увидел высокий стакан для газировки, а рядом — графинчик с беленькой. Стакан и графинчик смотрели друг на друга недоверчиво, понимая, что не созданы друг для друга. Пархачик, однако, решил иначе: другой посуды чистой не было, а водки внезапно захотелось.

— Таарищи! — гавкнул генерал Давлетбаев, обрушив из-под потолка на головы гостей рассыпчатое эхо. — Один раз... гризантальна с растягом по моей команде... — он вдохнул, берясь за стопарик, нóлитый старым манером, всклянь, — за успешное окончание нашего Отечества три-четыре — у-ра!

Тост показался депутату не вполне удавшимся, хотя он понимал, что генерал имел в виду что-нибудь вроде окончания службы, или задания, или дежурств — чем они тут занимались и как это называется, он

не знал и не хотел. Видимо, остальные тоже поняли генерала в хорошем смысле, поскольку шумно встали и относительно дружно прокричали «у-ра», с требуемым горизонтальным растягом. После чего лихо хлопнули и принялись рассаживаться обратно, скребя ножками стульев по бетонному полу. Пьянькая тётенька дрожащими руками налила сама себе крымского шампанского и выпила отдельно.

Генерал не остановился. Он не собирался останавливаться на достигнутом. Судя по мыльному блеску глаз, он вообще не собирался останавливаться.

— Таарищи, внимание! — эхо снова запрыгало по залу. — Хочу сказать очень важные слова. Мы все... отдавая единый воинский долг... служили Родине, как отцы служили дедам... — заклекотал Фиряз Давлетбаевич, делая в речи специальные военные паузы. Депутату казалось, что куски фраз вылазят у генерала изо рта, как пузыри, надуваются вокруг губ и потом с брызгами лопаются: бляп, бляп.

— Чётко исполняя свои воинские обязанности до последнего приказа о расформировании... мы не посрамили своим ратным трудом родные просторы и славу наших предков, военно-космических сил, ныне ракетных войск стратегического назначения...

Прапор наконец пал: классически, мордой в стол, с последующим оседанием тушки вниз под скатерть. Такого падения Пархачик не видел с прошлого тысячелетия. Он мысленно заплодировал, и тут же закружилась голова, закололо в груди и подступило явственное ощущение чего-то нехорошего.

Депутат тряхнул головой и наваждение пропало.

— Нашу вечную память падшим и ушедшим в запо... кх, в запас, — генерал звонко кашлянул, подравнивая речь. — И безоговорочную преданность Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным, самым чутким к нуждам армии человеком... и величие нашей многострада... — тут генерал запнулся ошутимее, — многонациональной Родины-Матери... с честью носящей высокое звание Российской Федерации! Гризантиальна с растягом троекратно, таарищи — у-ра!

— У-ра! У-ра! — закричали подчинённые.

Генерал наконец прикрыл подувало и взял за стопку. Все нестройно зашумели. Зашуршало стекло, зацокали вилки о тарелки: люди торопились выпить и закусить.

— Это ещё не самое-самое, — предупредил долговязый и дёрнул уголком рта, что можно было принять и за кривую ухмылку, и за нервный тик. — Он сейчас стихи читать буддет.

— Главное, чтоб не пел, — в тон ответил депутат, морщась: выпитое и съеденное, вроде бы хорошо улёгшееся в животе, вдруг как-то ошутимо покосилось. Дристать на бис не хотелось, да и отходить от стола во время тоста было бы некрасиво. Пархачик немножечко послушал себя и решил, что как-нибудь перетерпит.

— А теперь хочу прочесть! К нашему столу! — порадовал Фирьяз Абдурахманович и, не дожидаясь внимания, начал:

— Таариши родные дорогие, мы что-то важное свершаем в этот час... и можно так сказать, что все стихии сегодня поздравляют нас!

— Поздравляют как бы нас, — исправил размер долговязый.

— И можно так сказать, — повторил депутат за полковником, выпрастывая из кармана пузырёк с таблетками от желудка и пытаясь отщёлкнуть крышечку. — Минералочки тут есть?

Долговязый окатил стол быстрым оценивающим взглядом, выцепил «Святой источник» без газа и молча набулькал в фужер. Депутат вытряс на ладонь две таблетки, съел и быстренько запил водичкой.

— Давай с таким прекрасным настроением... огромного спокойствия, труда! — стихи генерал Давлетбаев явно сочинял сам. — И пусть над нами с наслаждением горит звезда родная, и она... нам путь укажет всем и таким образом в вечность мы войдем! — слова «таким образом» генерал как бы промотал голосом на удвоенной скорости, а «войдем» оформил через «е».

— Вуильям... Шекспёр, — долговязый нарочито сделал между именем и фамилией классика мировой литературы выемку под матное словцо. Депутат понимающе мумукнул.

— Когда же вся эта сволота передохнет, — вздохнул долговязый и сделал приглашающее движение шеей, как бы подзывая депутата присоединиться к компании людей почище. В голове Пархачика всплыло спецслужбистское слово «подход». Секунду подумав, он решил, что это он и был.

— Сволота всех нас переживёт, она о себе заботится, — сделал он свой шагок навстречу, прикидывая, какой у долговязого практический интерес. Скорее всего, решил он — по части продажи какого-нибудь кусочка Родины, случайно уцелевшего после давлетбаевского хапка.

— О себе подумать никому не вредно? — совсем уж откровенно зашёл долговязый, сыграв голосом на повышение.

— И никогда не поздно, — решил чуть отойти депутат. Предложенный темп его насторожил.

— Бывает что и поздно, — серьёзным тоном сообщил пиджак. — Кто не успел... — он опять сделал паузу, как бы вынуждая собеседника продолжить фразу.

— На «Титаник», например, — отбил депутат, уже понимая, что услышит дальше, куда они пойдут, когда кончится мероприятие, какие ожидаются разговоры — и уже прикидывая, насколько интересным может быть предложение. И придётся ли беспокоить Лидера.

— Таариши! — снова включился Давлетбаев. — Как говорят у нас в народе, что между первой и второй есть перерывчик небольшой! И в этом небольшом перерывчике я хочу прочесть совсем небольшое стихотворение, посвящённое нашим дорогим гостям из Москвы!

Пьяненькая тётя с синяком на коленке громко и как-то очень осмысленно пукнула. Все сделали вид, что сделали вид.

— Кхе, кхе, — начал Фиряз Давлетбаевич. — Мы все одной семьёй цветём, и каждый на poste своём, доверий от Правительства не счесть и Президент перпоручил нам честь!.. — на редком слове «перпоручил» у генерала стал кончатся воздух, а после «честь» он прервался на экстренную вентиляцию лёгких.

— Да что и честь, коли нечча есть, — вспомнил долговязый русскую половицу.

Викентий Виленович попытался было сообразить, что это за *нечча*, с успехом заменяющая дурацкий сословный предрассудок, и не смог: в желудке опять покачнулось, подвалило к горлу. Он судорожно сглотнул, снова достал таблеточки, проглотил две или три, запил.

— И Родине довольно я служу... и счастлив я, что на устах своих... печать секретности держу! — в три приёма одолел генерал трудную, вычурную строчку.

— Наддо же! — в голосе долговязого прорезалось неожиданно искреннее удивление. — Это ещё кто-то помнит?

Депутат хотел было переспросить, о чём речь, да не успел. Что-то ударило его изнутри по ушам, в глазах поплыло, а потом всё стало непонятым и никаким.

Впоследствии — когда, откровенно говоря, это уже никого особо не интересовало — врачи, занимавшиеся телом, немного поспорили насчёт таблеточек. Жизнелюбивый депутат перепутал пузырьки и вместо желудочного принял возбуждающее. Средство считалось безопасным и совместимым с алкоголем, но повышало давление, с которым у Викентия Виленовича было и без того скверно. Хотя, скорее всего, дело было не в таблеточках. Просто пришло — точнее, вышло — время. Источенный сосудик в голове натянулся и лопнул.

То, что с депутатом что-то не так, долговязый заметил не сразу, а когда заметил, то решил, что москвич перебрал и пусть отлёживается. Больше обеспокоились его коллеги — в отличие от местных, они Виленовича знали как алкогольно устойчивого, закалённого в чаду кутежей, на адовых фуршетах девяностых. Тем не менее, по обычному человеческому нежеланию ломать себе кайф и неверию в плохое, они решили, что надо просто подождать и дать человеку отлежаться. Ну и дали — и, само собой, дождались. Депутат уже уплывал в вечность, пока наконец-то вызванные врачи из военного городка ругались с охраной на воротах.

Досуг сорвался, вместо этого тёплым пьяненьким дядькам пришлось объясняться с неприятными, быдловатыми людьми в форме, не любящими москвичей. Потом пошли звонки из Москвы, тоже неприятные: Лидер не любил, когда что-то идёт не гладко. Крыпатченко в расстроенных чувствах обматерил полицейского. Тот не стал отвечать грубостью на грубость, а молча, от сердца, засветил москвичу по соплям.

Нежелательное развитие событий предотвратил вовремя появившийся долговязый, предъявив очень специальные корочки и организовав пару звонков по своим каналам.

Дальше выяснилось, что куда-то исчез генерал Давлетбаев. Все встали на уши. Впрочем, через сутки государственный человек обнаружился. Оказывается, ебанутый вояка решил, что смерть москвича являлась частью заговора против него лично — и, как фельдмаршал Кутузов, отошёл на заранее заготовленные позиции: закрылся в одном из помещений базы с двумя литрами коньяка. К несчастью, генерала кто-то когда-то научил пользоваться электронной почтой, и он из своего убежища направил в Минобороны, Генпрокуратуру и ещё по нескольким известным ему адресам десятка четыре писем самого изумительного содержания, включая инвективы в адрес Сечина, коего Давлетбаев обвинил в работе на английскую разведку. По этому поводу в верхах вышел скандалчик. Правда, без особых последствий: заменить генерала было некем, и он это отлично знал.

Тело депутата Пархачика отправили в Москву, где и закопали в землю. На похоронах присутствовал Лидер, так что процессия за гробом была достаточно большой. Из родственников приехал только тесть, и тот — со словами «хочу сам убедиться». Супруга депутата, волоокая Гюльчехра Мультимедиева, отдыхала в Греции и до прощальных формальностей не снизошла.

Какая-то жёлтая газетёнка тиснула по сему случаю статейку, где прозрачно намекалось на убийство — каковое, в свою очередь, связывалось с криминальной ситуацией вокруг подолякского леспромхоза. Интересы это не вызвало.

В установленный срок на объекте был проведён комплекс работ по окончательной консервации. Его проводили сотрудники компетентных органов, отодвинувшие тупых и вороватых военных. Та часть оборудования комплекса, распродать которую Давлетбаеву не дали, была размещена в зале под плитой. Автоматику — древнюю, релейную, сделанную ещё при царе Горохе — выставили на принудительную продувку раз в двадцать лет. После этого зал загерметизировали и заполнили аргоном.

На чёрный чемоданчик, покрытый резиной, никто не обратил особого внимания — а те, кто обратил, приняли его за часть оборудования. Долговязый отнёсся бы к этому совершенно иначе, поскольку знал о чемоданчике существенно больше, чем даже его злосчастный владелец. Однако его никто не спросил. Да и некого было: через два дня после инцидента долговязый улетел в Триполи — по линии СВР, но представляя интересы другой организации. Из Триполи он не вернулся.

Следственные действия велись где-то с месяц и ни к чему особенному не привели: ситуация была вполне себе ясной, криминалом никаким не пахло, деньгами тоже. Единственным интересным фигурантом оказался рыжий прапор, которого следак случайно узнал — он когда-то

пересекался с ними по мелкому делу, и рыжий не вернул ему три тысячи. Упускать такой случай было бы глупо, так что неудачнику пристряпали обвинение и закрыли на год в местном СИЗО — для ума, чтоб знал. Ума у рыжего и впрямь прибавилось, знаний тоже: в СИЗО он выучил испанский и через два года уехал в Барранкилью. Но это уже другая история.

Шло время. Ржавело золото, истлевала сталь, крошился мрамор. К смерти всё готовилось и всегда оказывалось неготовым. Она всё же являлась, вовремя и невовремя, к правым и виноватым. Умер в кремлёвской больнице от острой почечной недостаточности генерал Давлетбаев. Ненадолго пережила его вдова депутата, волоокая Гюльчехра: бедняжка утонула, купаясь в Эгейском море. Чуть раньше покинул пределы земные её папа, восточный человек: что-то не поделил с южными людьми, те оказались жёстче. Низенький подполковник в состоянии немотивированной депрессии выпустил себе в голову четыре пули и потом выбросился из окна — во всяком случае, таково было мнение судмедэкспертов. Умерла тётя с синяком; это с ней случилось в Гаване, в объятьях Морфея, молодого мулата с пляжа. Умер бывший предкомиссии Крыпатченко: в морг он заехал прямо с венецианского карнавала. Умер живучий Владимир Вольфович, в декорациях менее праздничных, хотя и в чём-то более комфортных. Поумирали — все по-разному — иркутские полицейские, не любившие москвичей. Благообразный седой дедушка прожил ещё двадцать три года и тихо скончался в филладельфийском госпитале для сотрудников Агентства национальной безопасности США.

Умер, в числе прочих — очень того не желая, — и автор этих строк. Последняя мысль его была о числе «шесть».

Скончавшие свой век удостоились, как обычно, недолгой и не особенно искренней скорби, потом были забыты, потом забыли тех, кто забыл. А жизнь, как обычно, продолжала себя как могла и как умела.

Время просачивалось и в зал под плитой, лениво теребя молекулы. Добралось оно и до чёрного чемоданчика. Каменела резина, поверхность экрана медленно растрескивалась и мутнела. Металл микросхем диффундировал в подложку. Размагничивались кластеры дополнительного жёсткого диска.

Однако комп так и остался подключённым к щитку, запитанному от атомных батарей, рассчитанных на столетия бесперебойной работы. Раз в пятьдесят дней спящий ноут просыпался и ревизовал ресурсы, в частности — проверял целостность файлов на восьмитерабайтном SSD-накопителе. По мере накопления сбоев и выхода из строя сегментов памяти файлы переписывались на оставшиеся. Упрямая машина тоже продолжала себя как умела и как могла.

Когда от восьми терабайтов осталось около четырёхсот гигабайт, вышла из строя простейшая деталь — штепсель. Время прогрызло-таки изоляцию, и проводки закоротило. Защищённый ноут не пострадал, но аккумуляторы, естественно, сели. Последней умерла батарейка таймера,

и обклеенный затвердевшей резиной ящик погрузился в оцепенение, заменяющее электронным устройствам клиническую смерть.

К этому моменту на SSD-накопителе осталась почти неповреждённая операционка, сто с лишним гигабайт детской порнографии (к ней покойный питал душевную склонность), сорок гигабайт музла (в основном шансона, каковой депутат особенно уважал, ну и до кучи всякое-разное, попавшее на диск бог весть какими путями), обычный майкрософтовский офис (читалка, писалка, считалка), а также несколько коллекций текстов и электронных книг, предустановленных дарителями (депутат в них не заглядывал никогда, предпочитая живую жизнь мёртвой букве). Увы, часть текстов была утрачена при копировании: глупая машина пожертвовала Одиссеей и второй частью «Дон Кихота», чтобы сохранить содержимое папки «машенька раздвинула булочки»... Кроме того, в тёмном уголке прятались кое-какие особые программы, о которых бывший владелец ничего не знал. Всё остальное погибло. В частности, от обширной и содержательной переписки депутата сохранилось лишь несколько писем, а из личных документов — незавершённый черновик заявления в полицию о клевете в интернете, набросок речи на очередном съезде ЛДПР и два электронных авиабилета до Пхукета.

Все эти сокровища так и пребывали втуне, пока чёрный чемоданчик снова не вынесли на свет, не подключили к электричеству и на кнопку Power не нажал блестящий перламутровый коготь эмпат-кибрида.

И Всевышний увидел Землю,
что она растленна,
ибо всякая плоть извратила
свой путь на Земле.
Быт. 6:13

ТОМ ПЕРВЫЙ
ПУТЬ БАЗИЛИО

ПРОЛОГ ПОД ЗЕМЛЁЙ

113726 день от Конца, волею Короля осень / 8 сентября

312 года от Хомокоста.

Афганистан, бывшая провинция Нангархар, ныне территория Подгорного Королевства.

Горный массив Тора-Бора. Личные апартаменты Его Величества Тораборского Короля.

Утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Тайная Канцелярия Его Величества Тораборского Короля.

Личное дело 11.00025.152, сокращённо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ДАТА РОЖДЕНИЯ: до Хомокоста (предп. август, 1 г. до X).

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ (оценочно): 338 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 102 года активности и 236 лет анабиоза

ОСНОВА: человек (модификат хомо II-12)

ПОЛ: мужчина

ПРАВОВОЙ СТАТУС: верноподданный Его Величества

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: телепат вне категорий, психократ вне категорий

НЕДОСТАТКИ: еврей

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Карабас бар Раббас

ПОЗЫВНОЙ: Шварцкопф

Борода не лезла ни в какие ворота. Ни в костюм то есть не помещалась, ни в шлем не пропихивалась.

Всё прочее, включая пейсы, Карабасу удалось более-менее засунуть и утрамбовать. Хотя костюм был маловат. На пару размерчиков так уж точно. К сожалению, исправных костюмов высшей биологической защиты подходящего размера у нас нет, подумал бар Раббас. Может, не

только здесь, а вообще. По слухам, последний годный костюм удалось выменять в Директории — в обмен на необнародованные доселе треки Круга Песнопений Гарика Сукачёва. К сожалению, второй раз такой гешефт проверить удалось бы вряд ли. В Директории тоже кончались ништяки.

Понятное дело, бороду можно б и подстричь. Или хотя бы подровнять. Ножницами, разумеется. Как назло, ножниц не нашлось. Бестолковая сука в белом халате — судя по экстерьеру и манерам, овчарка с гинейей прошивкой, то ещё сочтаньце — предложила отрезать волосы скальпелем. Скальпелем! Ну вот скажите, как объяснить бестолковой суке, что соблюдающему еврею запрещено использовать бритву или нож для брадобрития? Особенно если он сам, рав бар-Раббас, не очень-то понимает, почему это запрещено. Как и не видит нужды в этом волосяном украшении. Хотя... надо ж почтенному аиду хоть чем-то, кроме лапсердака и капелюша, отличаться от окружающих гоев. Да ещё и с такими разными грызлицами.

А ведь, подумал Карабас, пристраивая шляпу на штангу воздуховода, единственным общим местом во столь вариабельном их экстерьере является отсутствие растительности на переднем торце. Кошачьи, правда, баки себе отращивают, у козлов бородёнка бывает. Но вот чтобы, скажем, пейсы — такого за ними не водится, нет. Всё-таки мудрецы Талмуда были воистину боговдохновенны. В своей запредельной проницательности они каким-то образом предусмотрели даже трансгенный ребилдинг.

В конце концов бороду всё-таки удалось — с грехом, увы, пополам — запаковать в пластиковый пакет и сложить в четыре слоя под шеей. После чего костюм — со скрипом и матюгами — на него всё-таки натянули.

В таком виде можно было являться и на Высочайшую Аудиенцию.

Первый пост рав бар Раббас миновал без особых задержек: пришлось разве что немного полежать в какой-то зеленоватой водичке, наверняка жутко ядовитой. На втором одетые в приталенные защитные костюмчики овчарки долго облучали его ультрафиолетом, а потом прошлись маленьким ксигеном, на случай наличия в его теле какого-нибудь постороннего железа или кремния. Карабас лежал и ухмылялся: он гордился — совсем чуточку, а всё ж таки — тем, что тело его скроено из настоящего мяса, а не из каких-нибудь там тканевых микроимплантов. Вряд ли из микроимплантов можно сделать хорошего еврея. Или даже плохого еврея. Впрочем, других-то нет. Рав бар Раббас очень сомневался, что в пределах Подгорного Королевства можно найти хоть одного полноценного аида. Да и в Директории вряд ли удастся наскрести хотя бы десяток, чтобы составить миньян. Разве что в Стране Дураков... Он попытался представить себе, *какие* в Стра-

не Дураков могут быть евреи, и почувствовал, что к носу подступает разрывающий ноздри чих.

Доводить себя до приступа именно сейчас было бы ну очень нежелательно, и Карабас попытался переключиться на что-нибудь постороннее. Это далось легко: предстоящий разговор обещал быть очень важным. Даже, пожалуй, чересчур.

Последний пост был, скорее, для проформы: выдра проверила сканером сетчатку и облизала длинным тонким языком его ноздри, сверяя молекулярные метки. После этого шлем закрыли наглухо на внешний замок — чтобы раввин, даже потеряй он внезапно рассудок, не смог его сорвать — и чихнуть на Его Величество.

Наконец бронеплиты раздвинулись и он, втягивая пузо, протиснулся внутрь, в святая святых Тора-Боры — в Зону Зеро, непосредственное преддверие Апартаментов Тораборского Короля. Лучше Апартаментов охранялись только тесла-приёмники. Как говаривал сам Король, без него Подгорное Королевство протянет ещё несколько лет, а без электричества не проживёт и недели. Насчёт первого бар Раббас был не уверен. Судя по тому, что периодически всплывало даже в самых верных и толковых головах, без объединяющей воли великого старца Подгорное Королевство ждал финал быстрый, страшный и стыдный.

С Его Величеством раввину случалось общаться не единожды и даже не дважды — и в публичном режиме, и в закрытом, и почти наедине. Почти, потому что Высочайшей Аудиенции он ни разу не удостоивался: в этом не было необходимости. Его Величество Тораборский Король во всех случаях предпочитал разговаривать с подданными по телефону. И в этом он был совершенно прав. Это правило работало со времён Хомокоста — когда эстонские боевые компьютеры засыпали планету Ясным Перцем и прибили остатки популяции Homo Sapiens Sapiens. Странно только, что он, Карабас, с его почти человеческими генами, оказался совершенно невосприимчив к этой дряни. Тораборские трансгенщики долго копались в его клетках, чтобы понять, как именно блокируется вирус — и, понятное дело, ничего не накопили... Но даже в этом случае рав бар Раббас мог оказаться переносчиком заразы.

Имелась и другая причина. Приближаться к психократу — тем более к такому, как он, Карабас бар Раббас, — со стороны Его Величества было бы крайне непредусмотрительно. Да, разумеется, Карабас искренне предан Королевству и его Королю. Предан по-настоящему — не так, как все эти зазомбированные или распропагандированные зверьки с мозгами, промытыми физраствором. Он предан как знающий и верящий в идеалы Подгорного Королевства. Но всё-таки он психократ. Он способен забираться в чужие головы и управлять чужими телами. Нет, он не злоупотребляет своим даром, и никогда не посмел бы коснуться Короля. Однако чтобы исключить даже тень сомнения... Как бы то ни было, все

его прежние визиты в Зону Зеро кончались одинаково — прогулкой по центральному тоннелю до второго поворота, где его ждал древний телефонный аппарат, соединённый непосредственно с Апартаментами.

Сегодня, однако, ему выпала небывалая честь: Король хотел его *видеть*. Что это значило, рав бар Раббас пока не понимал.

На сей раз после второго поворота — телефон стоял на прежнем месте, но не звонил — бар Раббас двинулся дальше, в абсолютно запретное пространство личных апартаментов Короля.

Ему пришлось спуститься по недлинной мраморной лесенке из тринадцати ступеней, чтобы оказаться перед аркой, украшенной по бокам двумя колоннами. За ней простиралась пустота зала, выложенного чёрно-белой плиткой.

Светильник в центре купола выхватывал из темноты единственную помеху, нарушающую совершенную геометрию плоскости и сферы — невысокую фигуру человека.

Его Величество Тораборский Король был облачён в серый защитный костюм. Сквозь пластик шлема смутно белело лицо. Человеческое лицо, напомнил себе бар Раббас. Лицо настоящего Homo Sapiens Sapiens. Последнего представителя погибшего вида. Вида, который на протяжении своей истории неоднократно пытался уничтожить себя — и которому это в конце концов удалось.

Раввин и сам не заметил, как преклонил колени — успев лишь подумать, что перед лицом Подгорного Старца эта поза кажется удобной, естественной и даже единственно возможной.

Король коротко кивнул и бросил ему конец провода. Карабас вставил его в гнездо на шлеме. Теперь можно было говорить.

— Благословен ты, Господь, Б-г наш, Царь Вселенной, уделивший от славы Своей плоти и крови, — пробормотал раввин благословение, которое полагается произносить при встрече с нееврейским царём, имеющим право казнить и миловать.

Король услышал.

— Я предпочёл бы в свой адрес другое благословение — «уделивший от славы Своей тем, кто боится Его», — заметил он. — В конце концов, я здесь власть.

— Однако не царь Израиля, — ответил Карабас почтительно, но серьёзно. — И не иудей по вере.

— Упрямый какой. Садись, что ли. Прости, стульев нет. То есть — есть, но не для твоего веса.

Чувство, что стоять на коленях хорошо и правильно, отпустило. Карабас попытался устроиться на полу поудобнее. Скрестить ноги в защитном костюме не удалось, сесть на корточки тоже не получалось. В конце концов раввин кое-как пристроился, оперев руки в пол. Но даже в таком положении голова его была Королю по плечо.

— Надеюсь, тебе удобно? Осторожнее, колено не подверни. *Шамоль ув'ха'ба**, — даже сквозь толстый пластик было видно, что Король улыбается.

— Спасидо на добром слове, — пробормотал бар Раббас, пытаясь примоститься поудобнее.

— Спасидо? Ты что, в Дочку-Матерь уверовал? — удивился Король.

— Нет, просто привык, — Карабасу стало неловко. — *Карабас брахоль*, — он решил обойтись максимально нейтральным людским выражением.

— А благодарность — Аллаху, всемилостивому, милосердному, — заключил Старец. — Увы, наши тонкие религиозные разногласия некому оценить. Верных Единому осталось примерно столько же, сколько и верных Сущему... или меньше. Если бы у нас тогда было ядерное оружие! А я ведь предупреждал этих идиотов. Что думаешь об этом ты, почтеннейшее изделие Раббаса?

— Всё равно бомбы не понадобились, — бар Раббас поморщился: запакованная в пакет борода начала разматываться, щекоча горло. — Вирусы поработали успешнее... достохвальный сын Ладена, — добавил он маленькую почтительную дерзость.

Короткий смешок.

— Сын Ладена... Так меня называли когда-то. Но тогда уж зови полным именем. Усама бин Мухаммед бин Авад бин Ладен. Также Абу-Абдалла, Моджахед, Хадж, Директор. Я люблю свои старые имена. Ты поймёшь меня, раввин, если протянешь с моё... Ладно, всё это too old, как говорят педведы. Как бы то ни было, сейчас я — Тораборский Король. И у меня осталось мало времени. Моё тело перебирали двадцать четыре раза. Нет, даже двадцать пять. Во мне меньше килограмма родных клеток. Вероятность успеха нового ребилдинга — сорок шесть процентов. А я всё ещё хочу дожить до победы... или до чего-нибудь, что я мог бы считать победой... до того, что оправдает меня перед Аллахом. Понимаешь ли ты меня, Карабас? Кстати, давно хотел тебя спросить: откуда у тебя это прозвище?

— Маркировка, Ваше Величество. Мою модель «Раббас» проектировали в Черноголовке. У русских там был центр. Работавший на Израиль.

— Странно... Мне помнится, в Черноголовке делали какие-то отравляющие вещества...

— Там много чего делали. А в израильском филиале работали казахи... или киргизы... нет, не помню. Какие-то азиаты. Они перевели маркировку на свой язык. Кара-Бас. Чёрная Голова.

* *Шамоль ув'ха'ба* — «здравствуй» (людск.). Предельно вежливое приветствие или благопожелание, с которым высший может обратиться к низшему на людском. Литературный перевод — «[ты] должен быть здоровым, потому что это нужно нам». Ответ — «[имярек] шамаль», «имярек признаёт, что должен тренироваться (выздоровливать, лечиться)».

— Казахи? В израильском биоцентре? Ты ничего не путаешь?

— Нет. Просто всё делалось в спешке. Иногда происходили утечки всяких субстанций... вирусы, синтобиоты, ну и так далее. В общем, опасная работа. Не хотели рисковать жизнями евреев.

— О да, о да! Пусть рискуют гои, не так ли?.. Хотя, конечно, мы тоже перегнули палку. В противоположную сторону.

— Самопожертвование вам не помогло. «Аллахую христец», как говорили русские. Правда, недолго.

— Что недолго?

— Говорили недолго.

— Ну да. Зато мы с тобой понимаем эту шуточку. Забавно, а ведь в каком-то смысле русские победили.

— Хм? А, в смысле языка и культуры... Ну кто ж знал?

— А всё потому, что русские были раздолбаями. В отличие от евреев. Ещё одно кстати-некстати: как ты стал иудеем, бар Раббас?

— Я был обрезан на восьмой день, прямо в лаборатории, — повёл плечами раввин. — Все изделия нашего класса обрезаны.

— Почему?

— В самом начале войны выяснилось. Необрезанные чувствительны к антисемитской пропаганде. Даже киборги.

— Почему я не удивлён? Ладно, ближе к делу. Что у тебя с текущими проектами?

— Сейчас у меня только аналитика, Ваше Величество.

— Ну да, ну да. Анализ ресурсных схем и прочая текучка. Всё это можешь забыть — по крайней мере на ближайшее время. Я намерен вернуть тебя на оперативную работу.

Карабас вздрогнул.

— Я понимаю твои чувства, но не торопись с возражениями... Выслушай задание. Тебе нужно посетить с неофициальным визитом Директорию.

— Насколько неофициальным? — уточнил раввин.

— Это не так важно. Можешь заехать через главные ворота, можешь — огородами. Думаю, совсем тихо не получится. Безопасники там не орлы, конечно. Но и не дефолтники... В общем, тебе нужно в Директорию. И не просто в Директорию — а пробраться в Институт Трансгенных Исследований.

— Ваше Величество, это невозможно, — бар Раббас с трудом сдержал подступающий чих.

— Да, я знаю это слово. «Не-воз-можно», — передразнил Король. — Оно очень смешное. Забудь его. Ты всегда выкручивался.

— Я больше отлёживался, — сказал Карабас. — В болоте.

— Да, ты пропустил самое интересное, — согласился Король.

Карабас хмыкнул. Двести тридцать шесть лет анабиоза научили его скептицизму.

— Так или иначе, ты ведь выжил? Выживешь и теперь. Но сначала ты проникнешь в Институт и найдёшь кое-что. Точнее, войдёшь кое-куда.

— Где находится эта вещь, что это такое и что с ней надо делать? — Карабас почувствовал, что приступ близок, очень близок. Можно было бы попытаться зажать нос, но не давал шлем.

— Где — не знаю. И никто не знает. Где-то в Центре. Скорее всего, это место стерегут. Это всё.

— Пока я ничего не понял, — проворчал бар Раббас. Свербёж в носу немного отпустил.

— Сейчас поймёшь. Выключи микрофон и подойди ко мне вплотную. *Ха'н сохрэт стопицот бара даль йер Карабас.* Я пушу тебя в поверхностный слой сознания. То есть я буду мысленно проговаривать, а ты — слушать, не пытаясь проникнуть дальше. Склонись.

Для того, чтобы оказаться на одном уровне с Королём, Карабасу пришлось снова встать на колени.

Горный Старец думал долго. Раввин читал его мысли очень внимательно. Несколько раз показывал, что не понял, и Король терпеливо повторял.

— Теперь ты осознал значимость задачи? — Бин Ладен закрыл сознание и снова включил микрофон. — Ты сделаешь?

— Я сделаю всё, что в моих силах, — сказал раввин, вставая.

— А скажи-ка это на людском, — потребовал Король. — Вот именно эти слова.

Карабас промолчал: крыть было нечем.

— *Гав'виали* создали людское, чтобы не слушать скользких фразочек, — заключил Подгорный Старец. — Типа — вроде пообещал, а вроде и нет. Пообещал то есть постараться. Но мне не нужно, чтобы ты старался, тратил силы и что ещё там говорят в таких случаях. Меня всё это не интересует. Мне нужно, чтобы ты сделал. Любой ценой. И в данном случае любой означает именно это — любой. *Усама сохрэт бара Карабас круа!*

— *Карабас круа — ув'га'виал шем'Карабас, ув'х'аркан шем'Карабас, ув'нечча шем'Карабас,* — сказал раввин и неуклюже поклонился*.

— Это мне больше нравится. Возьми.

Король протянул руку. На ладони лежал маленький блестящий предмет. Бар Раббас осторожно ухватил его двумя пальцами. При ближайшем рассмотрении вещица оказалась ключом из жёлтого металла.

— Пожалуйста, будь с ним поаккуратнее, — сказал Тораборский Король. — Хотя бы потому, что я пообещал за него Сундук Мертвеца.

— Что? Все записи? — не понял Карабас.

* Тораборский Король требует, чтобы Карабас выполнил задание во что бы то ни стало. Карабас клянётся это сделать во имя высших ценностей — ну то есть тех, которые сам Карабас считает высшими.

— Нет, не записи. Оригинал. Сам ноут со всем содержимым. Мы, конечно, всё скопировали.

— О... от так от? — опешил бар Раббас. — Что, серьёзно? Но как? То есть зачем? Сундук — это же святыня!

— Да. К величайшему нашему сожалению, на другую цену Тарзан не соглашался.

— Что? — Карабас невольно повысил голос. — Вы отдаёте Сундук шерстяным?

— Ты как бы намекаешь, что это несколько противоречит нашей политике в регионе? — язвительно заметил Усама.

— Для полного счастья им не хватало только культурного доминирования, — вздохнул раввин.

— Если у нас всё получится, это уже не будет иметь значения. Если не получится — тоже, — заключил Король. — Имей в виду: пока что это просто кусочек золота. Нанокomпьютер в нём холодный. Его надо активировать.

— Обычными методами обойти защиту невозможно?

— Ну как ты догадался? Невозможно в принципе. Здесь нужен хакер. Который прочитает код со спящей наносхемы и активирует её.

Карабасу снова захотелось чихнуть.

— Таких нет, — сказал он, уже зная, что услышит в ответ.

— Такая есть, — сказал Король. — Тортилла ещё жива, старая перещипана.

— Да, жива, — признал Карабас. — Только она не будет со мной сотрудничать. Хотя бы потому, что ей сейчас триста с чем-то лет, у неё стёрта половина мозгов и она помешалась на антисемитизме. Она скорее удавится, чем поможет еврею.

— Склони её к сотрудничеству. Обещай что угодно. Если понадобится — сделай, что обещал. Главное — добейся, чтобы она взялась за дело.

— Я не могу гарантировать результат, мой король.

— Опять те же слова? Впрочем, всё в руке Аллаха. Но я дам тебе лучшую команду, которая у нас есть.

— Прошу меня извинить, Ваше Величество, в данном случае я предпочёл бы набрать команду сам, — вежливо, но твёрдо заявил бар Раббас.

— Нет. Я даю тебе именно лучших, — он протянул Карабасу лист бумаги. — Вот список группы. Если есть возражения, выскажи их сейчас.

— Посмотрим, — Карабас поднёс листок к пластику и прищурился: света не хватало.

— Ужас, — сказал он через минуту, — просто ужас. Это не группа, а труппа. Какой-то кукольный театр... Как я понимаю, возражать бесполезно?

— Правильно понимаешь, — благосклонно кивнул Король. — Я дал тебе не тех, с кем ты предпочитаешь работать. Я дал тебе самых лучших. Ты их построишь. У тебя это хорошо получается, не так ли?

— Мальвина и Чиполино. Я не работал с ними. И не собираюсь.

— Мальвина уникальна. Другого психократа такой силы у нас нет. Кроме тебя, разумеется.

— Ну да. Но её талант с изъясном. Она может заставить птичку танцевать польку, это да. С разумными у неё не получается.

— Ты не любишь её потому, что не можешь прочесть её мысли.

— И это тоже, — признал Карабас. Ему очень хотелось почесать в бороде — смачно, с хрустом — и вытереть пот с шеи.

— Да, немного унизительно. Но ты будешь с ней работать.

— Ваше Величество, я ей не доверяю. Мне не нравится, как устроена её голова. Она сделана из мяса, а думает как киборг.

— Ты действительно не видишь её мысли?

— Вижу. Просто не понимаю. Хотя кое-что разобрать можно. Например, что она нас всех презирает и когда-нибудь предаст.

— Тогда ты её убьёшь, рав бар Раббас, только и всего... Но не раньше, чем она перестанет быть полезна. Мальвина пойдёт с тобой. И Пьеро тоже.

— Мне не нравится этот тятпнутый.

— Но ты же с ним работал?

— Работал. Когда он не сочинял стихов. Но потом его укусила муза. Мерзкая тварь, — Карабаса передёрнуло.

— Он наш сильнейший эмо-транслятор. И у него есть Дар пророчества.

— Дар? Знаю я этот Дар. Охрененный дар упарываться айсом в умат до дефолта. Пользы от его пророчеств — как от калуши материнской любви. И вообще, у него в голове ужас что.

— Не думай об этом, Шварц. Перед заданием мы немножко почистим ему мозги, он будет вести себя хорошо.

— Нам потребуется уйма времени, чтобы добраться до Директории. Никакая ментальная блокировка столько не продержится.

— Ты отправишься царской тропой. У тебя one way ticket to the blue. Карабас поёжился.

— Не люблю летать, — признался он.

Король неопределённо хмыкнул.

— И что это? — не отставал раввин.

— Пузырь с винтом, — объяснил Король.

— На паровике?

— Нет. На керамических сверхпроводниках. Никаких тесла-наводок. Древняя технология. К сожалению, невоспроизводимая.

— Понятно... Я возьму персеkjютора, — решил Карабас.

— Ты про Базилио?

— Да. Мне нужен перс. Который в случае чего всех найдёт и со всеми разберётся.

— Твой полубратец? Ладно, бери его... Твои претензии к Чиполино?

— Никаких. Просто я начинаю чихать сразу, как только его увижу.

— Он будет контролировать себя.

— Он полицейская вонючка по основе. Живое химическое оружие. От него разит слезоточкой.

— У нас нет другого психокинетика с такими параметрами. Он может понадобиться на завершающем этапе. Бывают замки, которые проще открыть изнутри.

— Не в нашем случае, если я вас правильно понял, — надулся раввин. — Ключ или откроет дверь, или нет.

— До того тебе придётся открыть много других дверей, — напомнил Король.

— Ваше Величество, вы слишком долго живёте в стерильной атмосфере, — осмелился Карабас. — Эта вонь сводит с ума, понимаете? И не только меня, она проест лёгкие всей команде. Я выброшу его за борт, как только мы взлетим! Хотя мне будет чертовски жаль парня.

— Ну... Верю. Убедил. Чиполино снимаем. Тогда не буду торопить его с одним делом... ладно, это я так.

— И Арлекин тоже лишний.

— Почему? Хорошая эмо-чувствительность, функционал боевика. А главное — он устойчив к большинству паранормальных воздействий. Его нельзя загипнотизировать, занять, отключить голову...

— Я с ним работал. Для меня он как все.

— Значит, ты можешь им управлять. Тогда в чём дело?

— Я видел его нутро, оно гнилое. К тому же законченный педик.

— И что? Ты же не собираешься с ним спать? Или доверять ему что-то важное?

— Хм... если так ставить вопрос... Хорошо, Ваше Величество, я беру его. Под вашу ответственность.

— Как будто это что-то меняет... По Кенни Маккормику у тебя есть возражения?

— Возражения против лишнего шанса? Дайте два. Нет, правда, я взял бы ещё парочку. Чую, понадобятся.

— Вообще-то я отдаю тебе последнего. Таких талисманов у нас больше нет. Я его берёг.

— Спасидо и на этом.

— Это всё? Я думал, ты попросишь у меня Джо.

— Неуловимого? Мне не нужен агент, в существовании которого я не уверен.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Потому что Джо я бы не отдал. Ладно, вопрос по персоналиям мы решили. Сколько тебе нужно на слаживание команды?

— В таком составе? Две недели как минимум.

— Считай, что это время у тебя есть. Не очень много, но есть. Надеюсь, ты понял, как тут расставлены приоритеты.

Карабас склонил голову.

— Хорошо. Теперь посмотри вот это, — Король дал Карабасу ещё один листок. — Запомни и отдай мне. Это вся наша сеть в Директории. Используй её по своему усмотрению.

— И ни в чём себе не отказывай, — пробормотал раввин, разглядывая листок бумаги. — Что, вы хотите сказать...

— Да, рав бар Раббас, именно так и обстоят наши дела скорбные.

— С этим нельзя работать.

— Ты опять прав. Но других агентов у нас для вас нет.

— Плохо, очень плохо, — Карабас снова уткнулся в список. — А это кто? — вдруг заинтересовался он, проглядывая имена. — Неужели еврей?

— Насколько мне известно, это существо считает себя таковым, — усмехнулся Король. — Будь с ним поделикатнее.

— Постараюсь, — буркнул раввин. — Не понимаю, как он может быть евреем. Он же не обрезан.

— Ну, кажется, у них там тоже что-то такое есть, — сказал Бин Ладен с лёгким сомнением в голосе. — Педипальпы... или, как их там, хелищеры... не помню. Чем-то они размножаются, верно?

— У них нет крови, — отрезал бар Раббас. — А при обрезании это главное.

— Главное — задание, — перебил Король. — Теперь последний козырь. В самом крайнем случае ты можешь обратиться к губернатору Директории лично. Не как к агенту, а как... — Король запнулся. — Подойди.

На этот раз безмолвный разговор продолжался минуты три, не больше.

— Это рискованно, — сказал Карабас. — Мы не знаем, хороший ли он *брат*.

— У бегемота нету талии, зато обширный кругозор, — ответил Король. — А такой кругозор в Директории бывает только у хороших *братьев*. Но повторяю — это самый крайний случай. Ты понимаешь, что означает слово «крайний»? Это не тот случай, когда тебе придётся спасти чью-то шкуру. Шкура того не стоит. Однако если от цели тебя будет отделять один сантиметр и ты не сможешь пройти этот сантиметр без помощи губернатора — вот тогда ты придёшь к нему как к *брату*. Я, как *друг*, передал тебе Пароли и Знаки. Они разрешают тебе действовать моим именем. Именем Тораборского Короля. Ещё раз — это *худший* вариант из всех возможных. Постарайся его избежать.

— Почему? — бар Раббас постарался вложить в вопрос возможно больше почтительности.

— Потому что в таком случае я буду обязан этому гиппопотаму. Я поклялся помогать *братьям* и платить добром за добро. Я готов нарушить любые клятвы. И нарушал их все. Кроме этой. Потому-то я до сих пор жив.

— А если я действительно доберусь до... — Карабас сделал жест.

— Даже если доберёшься, — твёрдо сказал Король, — я буду следовать обычаям *Ха'брат Церех Аур Бохер*. Теперь понимаешь, почему я назвал данный вариант худшим? Но если другого выхода не останется — используй его... Всё, закругляемся. Я даю тебе полную свободу действий. Агентов

расходуй как хочешь, главное — найди, войди и сделай. *Молон лабе*, как сказал один мой греческий коллега в непростой ситуации*.

— Это может не сработать, — осторожно сказал раввин.

— Это последняя надежда. Иначе нас ждёт обычная судьба анклава высокой цивилизации, окружённой морем варваров. Сокращение территории, изоляция, уничтожение. Пока у нас есть кое-какие ресурсы. Но они рано или поздно кончатся. Мы умираем — а это самый верный путь к тому, чтобы когда-нибудь всё-таки умереть. Впрочем, то же самое ждёт и Директорию. Останется Страна Дураков. И это навсегда, потому что эсдеки — не просто варвары. Это гораздо хуже. Это варвары, у которых нет и не будет обычных проблем, характерных для варварских обществ... Иди. Впрочем, — Король усмехнулся сквозь стекло шлема, — я не удивлюсь, если ты захочешь воспользоваться *этим* для себя. Только не лги мне, что такая мысль не может прийти тебе в голову.

Карабас промолчал.

— Так вот, когда эта мысль тебя всё-таки посетит, скажи ей, чтобы она ушла. У тебя нет другого дома, кроме Подгорного Королевства. Измена Родине себя не окупает.

В этот момент Бар Раббас ощутил — слегка, самым краем насторожённого ума — ментальный контакт с глубиной сознания Короля.

Кратчайший миг; но Карабас успел понять, что Тораборский Король владеет силами, превосходящими способности психократов. Разум великого старца был твёрд как гранит, холоден как лёд и замкнут, как мир. Бар Раббасу показалось, что он пойман, зажат меж зеркал, повторяющих облик друг друга в бесконечном ряду отражений — в тесной, давящей вечности, чьи железные пальцы сомкнулись на висках.

— *Карабас даль ам'героль*, — других слов не стало.

— Хорошо, — давление в висках исчезло. — Ещё что-то?

— Да. Инструкции на случай неудачи.

— Никаких инструкций. Случай неудачи нас не интересует.

* *Молон лабе* — греч. *μολὼν λαβέ* — «приди и возьми». Ответ спартанского царя Леонида на требование персидского посла сложить оружие. Засим последовала эпическая битва при Фермопилах. Тораборский Король иронически переосмысляет классику — в его устах это не гордый отказ, а настоятельное требование.

ПРОЛОГ НА НЕБЕ

28 сентября 312 года от Х.

Воздушное пространство бывшей Южной Европы.

Поздний вечер.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Тайная Канцелярия Его Величества Тораборского Короля.

Личное дело 5.01714.152, сокращённо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: естественное

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 2 июня 271 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 41 год

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 41 год

ОСНОВА: сервал

МОДЕЛЬ: Электрический Кот, четвёртая модификация

ПОЛ: мужчина (в н/в)

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: гайзер (дальновидящий) 1-й категории,
два лазера с тесла-накачкой (520 нм)

НЕДОСТАТКИ: анабаптист

ПРАВОВОЙ СТАТУС: подданный Его Величества

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Базилио Супермарио Кроссоверо

ПОЗЫВНОЙ: Баз

Недалеко — где-то в паре километров — бушевала гроза. Тучи смотрелись огромными кусками серой ваты, прошитыми паутиной разрядов. Сеть молний пульсировала величественно и беззвучно.

— Штаники сыми, дусик, — предложил Арлекин, прижимаясь к Пьеро сзади и глядя его бёдра. Пьеро не отреагировал — он вспоминал строки Лотреамона о витринах магазинов на улице Вивиен. И в который раз силится понять, что такое «витрина».

Равнодушный ко всему Кенни в потёртой парке с капюшоном — он её никогда не снимал — сидел на корточках в углу и подрёмывал. От него пованивало несвежим тряпьем, высохшим потом и застарелым унынием.

Пьеро ощущал его ауру — тусклую, сдувшуюся, какую-то даже слежавшуюся, как давно не расправлявшееся бельё — как продолжение его запаха.

«Не жалец», — почему-то подумал он и внезапно ощутил холодный ток вверх по позвоночнику. Дар проснулся, Дар пробудился — впервые за последние полгода. О, эти шесть месяцев, заполненные мучительным смятением чувств и айс-дефолтами с их долгой адреналиновой тоской! О!

Пьеро смотрел на Кенни и видел — чем-то вроде седалища души, — почерневший капюшон в траве. В нём, как ядрышко в скорлупке, белел череп. Левую глазницу пронзал ствол борщевика, туго налитой дурным соком, прущий вверх, в небеса — слепые, неблагодарные.

В небе что-то замкнуло — да так, что всё осветлилось мерцающим судорожно сиянием. Треснуло огромной коленчатой молнией. Пьеро слышался отдалённый грохот крошащегося воздуха. Он прижался к иллюминатору, расплющив бледное, порочное лицо о суровый пластик.

Почему обожествлялась молния? — подумалось Пьеро. — Почему молния — бог? Потому что в ней сила. *Бог силён.*

— Бог силён, Мальвина, — пролепетал он, как бы не замечая руки Арлекина, шарящей у него в панталонах.

Задремавший было Карабас недовольно пошевелился в кресле. Разбужившая его мысль Пьеро показалась ему неглубокой, а приставания маленького педрилки — пошленькими. Он сосредоточился и мысленно уцепился за простату.

— С-скобейда! — прошипел Арлекин, от неожиданной боли сложившись пополам, как перочинный ножик.

Карабас с усилием выдернул своё сознание из чужого. Сконцентрировался на себе. Немного посидел с закрытыми глазами, давая вернуться естественному зрению. Осторожно поднял тяжёлые, набрякшие веки. Стены каюты, качнувшись, встали на место. Тёмно-красная обивка зло сверкнула мелким золотым узором. Потом включился звук — в туалетной кабине капала вода из подтекающего крана, гудели двигатели, наверху что-то потрескивало и шуршало: гондола дирижабля слегка шевелилась в мягкой подвеске. Откуда-то доносилась музыка: Мальвина завела патефон. Карабас прислушался — и услышал заветное песнопенье Круга Ночных Снайперов «Кошка хочет курить».

Раввин улыбнулся. Потянулся к сигаре, медленно засыпающей в пепельнице, сунул её в рот. Сигара проснулась, ожила. Сладкий дым протёк сквозь скрученные листья, протянулся во рту, оставляя привкус мела и засохшей молочной пенки, и закрутился наконец в носоглотке. Бар Раббас немного подержал дым во рту, потом, улыбнувшись, послал это ощущение Арлекину — в качестве своего рода насмешливого извинения за вмешательство в личную жизнь.

Он вновь отложил сигару и кинул взгляд на настенный экран, куда выводились показания с приборной доски дирижабля. Последнее успешное тесла-зацепление с индукторами Оковы имело место три часа назад,

аккумуляторы полны на восемьдесят два процента. Импеллеры давали устойчивую тягу в половину штатной и скорость около ста двадцати. Оба баллонета были в порядке, температура подъёмной смеси во всех отсеках соответствовала стандарту высоты, дифферент выдерживался, продольный прогиб оболочки не выходил за пределы нормы. Альтиметр стоял на шести километрах.

Единственным неприятным моментом была утечка газа из верхнего клапана — тот подтравливал. Если бы не гроза, можно было бы снизить скорость и отправить пару бэтменов на починку. Но здесь, наверху, бэтменов выпускать было нельзя, даже если сбросить скорость: они замёрзли и свалились бы вниз через полминуты. И в любом случае не хотелось слышать ехидных мыслей Мальвины по поводу его, Карабаса, управленческих способностей. Почему-то именно такие мысли в синекудрой голове читались ясно и отчётливо.

Кто-то осторожно поскрёбся в дверь каюты. Карабас нахмурился, потянулся мыслью к чужому сознанию, ощупал его. Базилио. Старина Баз. И опять его что-то тревожит, что-то спать-почивать не даёт.

— Заходи, раз пришёл, — вздохнул раввин.

Дверь отъехала в сторону, и ночной гость осторожно протиснулся внутрь.

Карабас в который раз подумал, что кот сильно сдал за последнее время. Шерсть на лице посекалась, уши обвисли, морда спала и как-то вдавилась в себя — так что очки, раньше сидевшие как влитые, заметно просели на переносице. Базу нужен ребилдинг, подумал раввин. Но кота трудно уговорить на это. Базилио, со своими гайзерскими имплантатами, очень не любил что-то менять в привычном, *пристрелянном* теле.

— Утро доброе, — кот сделал характерно-неловкое движение. — Пристесь у тебя можно где?

— Справа откидной стульчик, — сориентировал кота бар Раббас. — Осторожней с когтями: тут обивка.

— Да помню, помню я, — кот осторожно протянул лапу, опустил сидушку и с облегчением уселся, закинув хвост на колени. — Извини, я оптику не выставил. Для меня сейчас тут всё такое... прозрачное.

— Не люблю металл, — согласился раввин. — Сигару будешь?

— Ты много куришь, — осуждающе сказал Баз. — Видел бы ты свои лёгкие.

— И как они? — заинтересовался Карабас. — Пора чиниться?

Базилио потёр лапой нос, поправил очки.

— Пока ничего страшного, — признал он, — но очажки какие-то нехорошие есть. Точнее сказать не могу, сегодня плохое небо, рентгенов маловато. Ладно, давай свою сигару, — внезапно решился кот. — Только не поняшь. Они с кошачьей мятой. У меня от этой дряни крышу сносит.

— Обычная кохиба, без травы, — успокоил его раввин. — Кстати, мы оба нарушаем нормы безопасности.

— Мне можно, — кот судорожно зевнул, блеснули зубы. — Сто лет не дымил.

— Пожар мне тут не устрой, пожалуйста, — попросил Карабас, двигая к нему хьюмидор.

Кот молча запустил лапу в ящик, нащупал сигару и, осторожно держа её за середину, быстрым движением приподнял очки. Тёмные ямы на месте глаз сверкнули зелёным. Один луч срезал кончик сигары, второй — подпалил её с другого конца. Базилио откинулся, прижавшись к тёплой, чуть вибрирующей стене, и с видимым наслаждением втянул в себя ароматный дым.

— Хорошо сидим, — сказал он. — Сколько до высадки?

— При спокойном небе часа за четыре дошли бы, — Карабас посмотрел на экран, на котором вычерчивался курс. — А так не знаю. Сам видишь, гроза.

— Высадимся, а потом? — Баз выпустил длинную и тяжёлую, как грабовая палка, струю дыма.

— Нас встретят, — Карабас поставил голосом точку, обозначив для подчинённого границу компетенции.

— Поня-ятно, — протянул кот. — Кстати, мы над опасным районом. Там внизу древние немецкие базы. У них, между прочим, остались ракеты. И радары. И охранная автоматика.

— Брось. Там всё законсервировано. И включить всю эту машинерию некому.

— У нас бэтмен упал, — сказал кот.

— Не первый, — вздохнул бар Раббас, — у нас на прошлой неделе тоже бэтмен упал. Ну давай попробую, поищу, может, живой... — он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

— Да всё уже, он полчаса назад упал, — торопливо перебил кот. — Я думал, ты знаешь.

— Мне других дел нет, за всякой джигурдой смотреть... Ладно. Это всё too old, как говорят педведы. Ты же не покурить сюда пришёл, так ведь?

— Ну если ты так ставишь вопрос, — кот потёр лапой нос, который смешно расплющился от резкого движения. — Мне кажется, у нас нехорошо. Я чую какую-то гадость, понимаешь? Чую и всё тут.

Карабас оставил в покое хьюмидор и чуть подался вперёд. Базилио был перестраховщиком, как все персы. Однако чуйка на проблемы у него и в самом деле имелаась. И срабатывала обычно к месту.

— Я регулярно прочёсываю все головы, в том числе и твою, — напомнил он коту. — Плохое есть, но ничего криминального. Команда как команда, бывало и хуже. Слаженность, конечно, отвратительная. Нет психокинетика...

— Зато есть два мужеложца, — не сдержался кот.

— А тебе не кажется, что твои воззрения на этот вопрос устарели? Лет на тысячу? — поинтересовался Карабас.

— Хотя на пять тысяч, — с гордостью заявил кот, пуша хвост. — Ибо Господь сказал: не ложись с мужчиной, как с женщиной, ибо мерзость сие. Книга Левит, глава восемнадцатая, стих двадцать второй.

— Я, конечно, уважаю твои религиозные убеждения, особенно в той их части, в которой они совпадают с Моисеевой истиной, — голос раввина потёк мёдом, — а всё-таки: как же ты увлёкся той жужелицей? Ну помнишь, с розовым хоботком?

— Она была женщиной! — зашипел кот, шерсть грозно вздыбилась. — Я что, извращенец?!

— Да? А вот мне вспоминается кое-что другое... — Карабас прищурился.

— Это был яйцеклад! Она всё объяснила! Это был яйцеклад! — кот едва не перешёл на крик.

— Может быть и так. Кто их знает, этих насекомых. Хотя вообще-то та штука больше всего напоминала... нечто иное, — бар Раббас уже откровенно забавлялся.

— Это был яйцеклад, — Базилио мрачно насупился и замолчал.

— Это что-то меняет в том, что ты облажал девятидневную операцию ради какого-то паршивого минета? — забил последний гвоздь Карабас.

Кот издал низкий рычащий звук, показывая, что категорически протестует против развития темы.

Стало тихо. Снова показалась музыка. На этот раз из Мальвининоного закутка доносилось песнопение о Голубом Небе и Золотом Городе.

— Ну, допустим, ты прав, — наконец нарушил молчание Базилио. — Это был не яйцеклад. И Пьеро с Арлекином — не главная наша проблема. Хотя Пьеро злоупотребляет айсом, и это очень заметно... Меня беспокоит другая пара, вполне себе гетеросексуальная.

— Мальвина с Артемоном?

— Именно. Мне очень не нравится, что эта баба заняшила нашего первого пилота.

— Ну прямо вот так заняшила... Я шерстил Артёмку. Обычные собачьи страсти, ничего интересного, — поморщился Карабас. — Ну да, она его на себя посадила в сексуальном плане. И сама, кажется, подседа, насколько я могу в этом разобраться. Но управлять им она не может. Ни как женщина, ни как психократ. Артёмка, конечно, тот ещё кобель и не всегда думает головой. Но всё-таки он не бабочка. И не мышканорушка.

— Тоже непонятно, почему она вдруг с ним так склеилась, — не отставал кот. — Она же садистка, а у нас тут этот... Пьеро. Идеальная, в каком-то смысле, пара.

— Пьеро она и так мучает, — заметил бар Раббас, — как раз тем, что спит с Артемоном. Потом приходит к этому пиздострадальцу и...

— Не надо подробностей, — чистоплотный кот фыркнул.

— Вот-вот, — констатировал раввин, всё-таки решившись угоститься ещё одной сигарой и протягивая огромную руку к хьюмидору. — Ты просто предвзят.

— Ну, допустим, секс. Но она же явно пытается его подчинить. Зачем?

— Она помешана на контроле, — Карабас развёл руки. — Ты же знаешь, она психократ, но у неё проблемы с разумными. На её месте я бы тоже, наверное, пытался, — признал он.

— Это всё догадки, — кот упрямо боднул головой воздух. — Вот чую: она что-то замышляет.

Музыка сменилась: Мальвина врубила на полную громкость песнопение Тату «Нас не догонят».

— Ну извини, — развёл руками Карабас, — тут я бессилён. Как психократ я могу её контролировать... подожди мне сигару, пожалуйста... спасибо. Как телепат — увы. Не то чтобы у неё был чёрный ящик на плечах, но... У неё странный способ мышления. Не знаю, как тебе объяснить... представь себе часы, набитые песком. Шестерёнки крутятся и перемалывают песок в пыль. От которой я чихаю... — он и в самом деле ощутил свербёж в носу, однако почти сразу отпустило.

— Что бы у неё там ни крутилось, — настаивал кот, — мотивы у неё наверняка самые простые. Давай честно: в Стране Дураков у неё могут быть неплохие перспективы. Если она сможет вертеть электоратом так же, как птичками и бабочками, у неё есть все шансы закрепиться в авторитетах.

— А что, у тебя, что ли, нет таких шансов? — язвительно осведомился бар Раббас. — Или у меня? Мы ж не бежим сломя голову к эсдекам, дудолить электорат?

— Мы — другое дело. Ты предан Его Величеству, а мне нравится моя работа. Кроме того, у тебя всё есть, а мне много не надо. Но Мальве нужен весь мир, а предана она только себе... Ты не пробовал поговорить с Кенни? Он эмпат. Может, он что-то увидит.

— Эмпаты говорят «нащупает», — поправил раввин. — И что он может нащупать? Ауру Мальвины на каком-нибудь предмете. Что это нам даст? Ничего.

— И что нам делать? — спросил кот. — Ждать у моря погоды?

Карабас хотел было развести руками, но не успел. Что-то глухо стукнуло в носовой части гондолы — как будто два молотка разом ударили по корпусу.

Кот вскочил, прижав уши, и уставился в пространство, перебирая диапазоны.

— Так, — сказал он очень спокойно. — Похоже, пиропатроны. Отстрел пилотской кабины. Где Артемон?

Карабас выронил изо рта сигару, лицо его обесмыслилось.

— Не чувствую его, — удивлённо сказал он, возвращаясь в своё тело. — Он или в обмороке, или я не знаю что...

— Они уходят! — закричал кот и сорвал с носа очки. Глазницы замерцали зеленью.

— Нет! — заорал во всю глотку Карабас. — База! Внизу база!

— Я их вижу, — зашипел кот, — я их вижу, кабина падает, пошёл парашют... Я их достану! Отсюда дострелю! Пусти! — последние слова кот прохрипел, пытаясь повернуть внезапно онемевшую шею.

— База! Ракеты! — ещё громче заорал Карабас, ослабляя ментальный захват. — Посмотри, что там происходит!

Кот встряхнулся, упал на пол, очки полетели в сторону.

— Там что-то движется, — наконец сказал он. — Они включили автоматику! Но как? Как?

— Уходим, быстро, — Карабас скрючился над столом, тыкая толстыми пальцами в виртуальные клавиши и пытаясь войти в режим дублирующего компюкта. Наконец ему это удалось — как раз когда в низком грозовом облаке разорвалась первая ракета.

Серая туча как будто загорелась изнутри невозможным ярко-малиновым светом, на фоне которого даже молнии померкли.

— Бог силё-о-он... О, о, о, Бог силё-о-н, — застонал обдолбанный Пьеро, цепляясь за трясущуюся стену гондолы.

Карабас, оперев толстые пальцы в виртуальные клавиши, сосредоточенно сбрасывал вниз электромагнитные фантомы, разгоняя импеллеры и собирая мысленными приказами экипаж в верхней части гондолы — всё одновременно. В последний момент он поймал сознания нескольких бэтменов и отправил их за спецгрузом.

Бэтмены как раз добрались до сейфа и увидели, что он вскрыт — когда очередная ракета наконец пробила оболочку пузыря.

И там взорвалась, в клочья разнося переборки.

Глава 1,

*в которой некий юноша томится, мучимый позывами плоти,
однако не унывает*

28 сентября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Б.

Верхние вольеры, клетка 56.

Утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 635787

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ДАТА ВЫПУСКА: 30 августа 312 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 1 год

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 15 биолет

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 2610

ОСНОВА: бамбук

ПОЛ: мужской

ПРАВОВОЙ СТАТУС: заготовка

ПРИМЕНЕНИЕ: 1. начальное развитие; 2. биологическое сырьё

ЛИЧНОЕ ИМЯ: —

КЛИЧКА: бамбук

Хочешь жить — умей вертеться. Не пропустить утренний тихий мурк просыпающейся Виньки-Пуньки: у неё середина цикла. По утрам ей хоцца траханьки, всё равно с кем, даже с бамбуком. Хотя потом у неё там всё болеть будет, ну да не наша это забота. Зато Винька внутри мягкая, горячая, это тебе не шкурка с абразивом. Ну и самое главное — идут баллы за соцприспособленность. Как говорит Сизый Нос: «Если девочка даёт — не совсем ты идиёт».

Очень правильно говорит Джузеппе. Взять ту же Виньку-Пуньку — заготовка, низкоконкурентная, а поди ж ты у неё допросись, ежели её

цикла не знать. Зато мы знаем! Мы наблюдательные! Умненькие-благо-разумненькие! И всё у нас будет просто збс.

Потом первое кормление, самое важное: все полезные добавки — витамины, гормоны, минералку всякую — утром дают. Вечером бюджет уже так себе: только комбикорм и маргарин.

Значит, жрать. Основная здесь проблема — Чип и Гаечка. Они хитрые и работают в паре: он дерётся у кормушки, пока она хрючит и в защёку заначивает. Потом он у неё изо рта ест, прямо со слюнями вычавкивает... Хорошо устроился, слюнечки у Гаи вкуснющие.

А драться с Чипом себе дороже. Он бурундук, зато прошит лещиной и хлореллой с грибком заполирован. Хоть и мясной, а твёрдый шо стенка. У нас, правда, в арматуре дубовый кап, даёт вес и прочность. Но с тушлом молотиться всё равно безмазово: бойцовые характеристики у нас тютелька в тютельку одинаковые. К тому же у него зубы лучше наших, тяпнет за палец — пальцу деф. Хотя есть один способ — догрестись до Гаечки. Кинуть в неё что-нибудь, ущипнуть под хвостиком или как-нибудь обидеть. Гая заплачет, Чип к ней — то есть, значит, от кормушки отгребёт. Тут-то нам и жохнуть лишний брикет. Остальные тоже, конечно, суетятся и лезут, да где уж им: нас с Чипом таких бойцов в вольере всего двое, с нами конкурировать без толку, молотки получишь с обеих сторон. И хули, что я доширак, а он тушня. Мы тут власть и ниипёт! И пусть не плакают, всё по-честному. Во-первых, у нас метаболизм такой, горячий. Во-вторых, не хочешь драться — скажи Джузеппе, чтобы давали жрать отдельно. Ну не получишь ты баллов за активку и соображалку, зато брюхо набьёшь без проблем. Ах тебе баллы нужны? Дерись за еду. Жизнь — она такая.

Дальше — туалет утренний. Тут тоже свои хитрости. Со спины волокна лучше снимать скобой. С живота тоже. С рук — только мачете. Самое сложное — лицо: лоб и щёки — скоба, вокруг глаз — абразивная шкурка, шея — мачете. Главное — чтоб без зарубона. Зарубка на верхнем слое снижает качество покрытия на порядок, это мы выучили. Плавными, плавными движениями стружечку снимать, особенно с шеи. По волокнам, по волокнам. Ровнёсенько так.

Нос пускай у нас растёт. Заточить малость и всё. Это вообще наша фишечка любимая — нос. Бамбуки и прочие дошираки, если на них чё прорастивается, обычно режут нахрен. А вот мы своим умишком дотумкали, что длинный нос лучше короткого, особенно в рукопашке. Кончик носа — это же почти чистый бамбук, прочность выше стали, получается этакая пика вроде рога, как у цилиня. Очень полезная штука в ближнем бою. Точить лучше не шкуркой, а бруском с алмазом, у нас есть махонький кусочек, скрысили в лаборатории... Могут, конечно, и обломать, больно ужасно, да и опасно, так можно и хрящи из черепа вывернуть. А вот против таких приёмов надо делать страховочный разрезик сантиметрах примерно в трёх от корешка — так, чтобы при сильном боковом ударе

бамбук ломался. Как хвост у ящерицы, типа. Ну подумаешь, пара сосудов лопнет, да и чёрт бы с ними. Всё равно, конечно, искры из глаз летят, даже при нашем-то болевом пороге. Но — работает, проверено.

Вот Чип себе нос срезает. Пробовал вроде бы отпустить, так эта его водоросль захлорофиллилась, зелёные сопли пошли... Хотя ладно, его проблемы.

В принципе, Чип неплохой парень. Ну а что за еду дерёмся — так это нам же на пользу, больше баллов на двоих получим. Вообще, бамбуки к соперникам относятся нормально, без говнистости. Это у нас гены такие, хорошие у нас гены. Не такие, конечно, как у псовых или куньих, у которых сплошной коллективизм и все друг у дружки под хвостом лижут. Но уж не как гиены и кактусы. У тех просто скобейда какая-то с этим, друг друга ненавидят, если дерутся — в клочья рвут. Надо бы из их генов вычистить эту дрянь, а никак не получается. Кошкам вот солидарность привили, а у этих — никак. Джузеппе говорит, что там стяжка какая-то, которая не просчитывается. Жаль, конечно, а то можно было бы подумать насчёт колючек себе любимому. В случае ребилдинга. Впрочем, это когда ещё на нас свалится — ребилдинг. Тогда, небось, будут другие перспективы, почище...

Так-так-так, а вот в паху надо поаккуратнее. Мошонка-то ладно — чем твёрже, тем лучше, прошёлся разочек сверху и хорош. Всё равно эти железы нам сейчас в хрен не впились. Да и размером они с абрикосовую косточку. Припухлости какие-то, а не семенники. И очень даже збс, что так, а то всякая сволочь целится ударить именно сюда. А вот яюшки, джигурда позорная: ты ударишь — я бля выживу, вот я ударю — ты бля выживи... С елдаком сложнее. Сначала надо забиться в угол, чтобы тот же Чип не подкрался и не ударил под локоть: парень-то он, может, и неплохой, а может и с плохой стороны себя показать, это уж как по ситуации сложится. В общем, лучше не подставляться... Потом надо возбудиться. Типа, представить себе Виньку, или Гаечку, или какую-нибудь киску приятную. Ну, чтоб колышек встал, как лист перед травой. Вялый чистить нельзя: только напортишь, а то ещё и порежешься до мяса. А вот когда встанет — по стволу осторожно ножичком, а потом шкуркой. Со шкуркой не перебарщивать, особенно у самого кончика: сначала кажется приятно, забирает даже, а потом такая боль накрывает — полдня будешь скрюченный ходить, мало не покажется. Плюс баллы за соцприспособленность снимут, как за рукоблудие. И правильно за это дело снимают. Как говорит Сизый Нос: «Если баба не даёт — значит, полный идиёт». А идиётам баллы не положены.

С задней дыркой тоже надо поаккуратнее: там есть такое место, где бамбук переходит в слизистую, вот на этом самом колечке скапливается кал и всякая грязь, а от этого деревяшка подгнивает и чешется. Хочется воткнуть туда мачете и провернуть пару раз, чтобы стружку снять и без проблем. Ага, как же. Однажды так и сделал — потом полдня кровящей

дрилал. Хорошо, что проверяющие не заметили, не то быть бы нам в большущем минусе за дурь. Нееет, попку надо нежненько. Шкурочкой протирать, а особо критические места — ноготками, ноготками выскрёбывать до стерильности.

Ноготки у нас замечательские, тут генетикам спасидочки. За базовую ткань поставили кошачий коготь, прослоили родным бамбуком и модифицированным моржовым зубом. Получается самозатачивающийся композит с нарастающей режущей кромкой. Штука что надо. Вот если бы ещё на ногах их сделать покороче — они, бывает, по полу стучат и царапают, а нам за это идут минусы. Хотя вроде бы через пару лет, когда у нас очередь на плановый ребилдинг подойдёт, обещали переделать. Ну-ну, посмотрим. Слишком короткие на ногах тоже нафиг не нужны.

Ну вот сделаем все дела и отдыхать. Поспать даже можно, пока не придёт Джузеппе. Который Сизый Нос.

Вообще-то его так звать не рекомендуется, хотя носяра у него и вправду сизый. И голый к тому же. При последнем ребилдинге напутали что-то с клеточным материалом. Ну, страховку ему, конечно, выплатили, предлагали переделку, да он не идиёт, отказался. Во-первых, каждый лишний ребилдинг чёнь да насрёт в гены, без этого не бывает. А во-вторых, медвежки и прочие мохнатенькие от его сизого хрюкала просто млеют, только успевай огуливать. Вот хотя бы та же Винька-Пунька: как Сизый Нос в вольере — так сразу ластится. Дескать, я вся твоя, возьми меня. Даже если после нашего колышка вся внутри развороченная — всё равно, лезет и лезет к доктору растопыркой-мякоткой. Ну, Виньку ему-то не особо надо: раза два всего попользовался, из вежливости. Да и правильно, вокруг него такие самочки пасутся, это ж яюшки! Особенно лисочка, она с ним часто ходит, рыжая такая красотулька. Вот штучка, такую раскрутить на порево — это ж баллов-то сколько выйдет! Наверное, как за месяц с Винькой-Пунькой. Или даже с Гаечкой. Она ничего, Гаечка, просто уж очень дружит с Чипом, все баллы за свою писечку мохнатую для него придерживает. Когда была надбавка за длительную моногамию, так вообще никому не давала в принципе. Сейчас-то надбавку отменили, так что иногда с ней можно. Она и внутри лучше к бамбукам приспособлена, чем Винька. Как сожмёт этими своими вагинальными мышцами — не вытащишь. Иногда, конечно, приятно бывает, а всё-таки оно как-то... Нет, если уж честно — мяконьких мы любим, мяконьких. Когда нас прошлым летом перевозили, вот уж свезло так свезло: попал на сутки в вольер к лисам. Яюшки! Сто тридцать баллов за соцприспособленность нагулял. И ведь что характерно: Винька-Пунька после нашей деревяшки отлёживается, а то и кровит у неё там. А лисонькам хоть бы хны. Хотя с виду у них под хвостом всё такое нежненькое, слизистая розовенькая, влажная... а как до дела дойдёт — дери её десятеро, и ничё так, без всяких проблем, ей по кайфу. Любой размер берёт, даже конский принимает. Если сильно натрёт или много напускают — вылизется аккуратненько,

и всё, снова девочка, как ничего и не было. Чип говорил, это только у лис так устроено. Затем их и проектировали — как полевых сестричек. Обслуживать войска во фронтовых условиях.

А правда: зачем ещё лисы, кроме как пороться и раны зализывать? Ну, допустим, нюх. Нюх у них офигительный, что да то да. Ну бошки у них хорошо варят — интуиция там, ассоциативка опять же. Но ничего такого сверх того. Бойцы средненькие. Спецнавыки — ниже плинтуса. С гаджетами почти несовместимы. Ну такой вот у них особенный тип нервной системы: кибриды из них никакие. Хотя кибры сейчас вообще не особо, особенно в поле. Говорят, когда дураки первый раз эту свою пушку электромагнитную применили, так весь Центр был полудохлыми железкиными под завязку забит. Киборгами и кибридами. Этим совсем плохо было: у них-то электроника на клеточном уровне впаяна, это ж ребилдить надо целиком, причём быстро, яюшки что за ужас такой... Ну кого-то перебрали, конечно — у кого заслуги перед отечеством или просто польза от него есть. А кого-то вниз отправили, на препараты. Ну что ж, от этого никто не застрахован. С какой-то точки зрения — лучше вниз, чем к дуракам в руки. Дураки сразу не убивают, обязательно маналулу устраивают, скобейды стыдные...

Эх, ладно, не будем о грустном, нам ещё педикюр делать. Да и на пяткахросло — мачете не берёт. Распарить, может, сначала? Стопа должна быть гибкой, если ходишь в обуви. Мы все в обуви ходим, нам так доктор Джузеппе велел.

Доктор Джузеппе — большой авторитет. От него зависит, кого вниз отправят, кого на общее развитие, а кого на индивидуальное. Бамбуков Джузеппе не очень котирует: и за доширачистость, и что мы не его разработка. Он любит мясо, особенно мохнатеньких, вроде Виньки-Пуньки. Хотя вот тоже: вроде не любит лапшу вроде меня, а если тяжёлое таскать или ещё чего — это, пожалуйста, к нам. И всегда потом нальёт. Вот с этим у него всё хорошо: и спиртяшечку разведёт, и коньячок, если хорошо поработаешь, из сейфа достанет. Сам-то не пьёт. Раньше, говорят, закладывал, а теперь вещества предпочитает. Только про это тсс, молчок. Мы-то знаем, нам Чип рассказывал. Он же доктору и вмазывает. В такое место, куда никто не догадается. Ну а как Сизый вмажется, глазки у него сытые делаются, и ничего ему не хочется, даже пороться.

А Виньке-Пуньке всё равно ничего не светит — она и говорит-то с трудом, да и вообще неперспективная. Вниз её, может, не отправят, но на индивидуальное не возьмут точно. Сам Джузеппе первый и не подпишет индивидуальное. В таких делах не жохают. Говорят, в третьем блоке какой-то большой начальник подписал индивидуальное своей дефолтной разработке — так в вольере бунт был. Ну позорника вызвали на комиссию, отобрали права человека и отправили служить на приграничье, защищать родную Директорию от эскеков. А лучше бы — вниз его, на

препараты. Хотя нет: истрчено на него, небось, бабла дофигища. Не-а, граница — самая тютелька.

Вообще, если так подумать, в мире всё устроено правильно и каждый получает примерно то, чего по жизни заслуживает. Не в деталях, конечно, а по среднему оно как-то проканывает. Такие дела.

Что-то Сизый Нос тормозит. Пора б ему нарисоваться, что ли. Сделать замеры, начислить баллы, почесать за ушком Гаечку... Ну и выписать пропуска в учебку. Сегодня, кажется, у нас три занятия плюс спортзал. Интересно, кого сегодня поставят в спарринг? Мы давно просили какую-нибудь кобылку. У нас недоработка по большим массам, а лошадь — это вес. Лошадку завалить — это, блин, престижно. Ну да, шансов немного: скорее всего, она просто весом сомнёт. Зато если не сомнёт — это же целый мешок баллов получается! Хотя бы выстоять пять раундов — это уже что-то. А если победа? Мы тут недавно кое-что придумали специально для лошадиной шеи. Это будет крутяк... Интересно будет с правом победителя, ни разу лошадь не имел. Вот наоборот случалось: с конём, чуть не помер, и ещё трещина на полспины, еле срастили... А лошадка — интересно. Хотя у неё там сзади, наверное, такие трубы, что лучше минетиком обойтись. Или нет — вон тот же Чип про кобылок рассказывал такое-сякое-этакое...

О-ё, да чёй-то мы сегодня такие озабоченные, просто жуть? Вроде и с Винькой попоролись, а всё равно — все мысли на это дело соскакивают. Может, раз уж Джузеппе задерживается, ещё раз подкатить к девочке? Нет, нельзя, два раза подряд она не выдержит. Тогда кто? Гаечка? Только не при Чипе... А за рукоблудие баллы скинут. В общем, кругом дефолт и обломинго бегаёт кругами.

Так что лучше отвлечься на что-нибудь осмысленное. Только не на чтение. Вот этого мы не любим. Если честно, терпеть не можем. Ещё бы, с нашими-то ассоциативными полями — нам лучше картиночки, с озвучкой, чтоб как в жизни. А корявки буквенные разбирать — не-а. По этому пункту у нас всегда была, есть и будет полная скобейда и жаба с хуем. И ничего не поделаешь: так уж нас слепили. Мы не обижаемся... ну почти. Ежели вдруг на индивидуальное вырулим да деньги заведутся — первым делом достроим себе в голове это проваленное место.

Ну нет, не первым делом. Ну вторым. Или третьим. Или даже никаким. Потому что если будут деньги — зачем читать? Есть на свете много удовольствий, вот, к примеру, та же Гаечка: хоть и не такая мягонькая, как лиса, а зато как мышцами прихватит, так сразу и...

Яюшки мои, ну вот опять это лезет!

Да где же, наконец, Сизый Нос?!

Глава 2,
*в которой совершается, а равно и открывается
нечто неприглядное*

Тот же день.

Институт Трансгенных Исследований, корпус В. 4-й надземный этаж, личный кабинет доктора Карло Коллоди.

Время утреннего кормления.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 34674

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: естественное

РОЖДЕНИЕ: 19 мая 264 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 48 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 50 биолет

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС AP1F: 5103

ОСНОВА: медведь бурый

ПОЛ: мужской

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человекообразный, ветеран

ПРИМЕНЕНИЕ: трансгенные операции, исполнитель II класса

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Джузеппе

КЛИЧКА: Сизый Нос

Голос у Карло нехороший, противный, думалось Джузеппе. Рожка — тоже не айс. Причесон как у белохвостого колобуса и усищи чуть не до пупа. Это у него такой выпендрёж: настолько хомоподобный геном сейчас редко встречается, вот и выёживается. Ничего особенного в них не было, в этих Homo Sapiens Sapiens. Голая обезьяна, каламбур эволюции. Ну ладно эсдеки с их статусными заморочками насчёт хомосапоности. Но здесь-то перед кем форсит старый маргыхай?

Хотя — Джузеппе вдруг стало слегка неловко — что это он вдруг? Старик Коллоди, прежде чем осесть на тихой работе, ходил в поле, прошёл ногами чуть не всю Страну Дураков, сиживал за столом с ихними

авторитетами. Так что ему прямо-таки необходимо выглядеть нулёвкой по всем позициям. Ну по мясу у него, конечно, единичка или двоечка у него есть, иначе бы он бы тут не бегал. Заполировали какой-нибудь мартышкой и все дела. Ну и железа, конечно, в нём достаточно, иначе как бы он работал с секвенсором? Руками, что ли, он вектора лепит? Это вряд ли.

А вот в нём, в Джузеппе, феррума официально на три балла. На самом деле, конечно, уже больше, но статус ему давно не пересматривали. И не надо. Откровенно жохать в этом вопросе себе дороже, хотя и все карты открывать тоже глупо. У него, у Джузеппе, своя голова на плечах, он сам решит, что ему лучше. Хотя кое с чем он поспешил. Надеялся на полноправие, а застрял в человекообразных.

— Коллега, — сказал Карло, — я собираюсь подписать приказ о переводе курируемого вами выводка на общее развитие. Мне очень жаль. Не вас. Материал.

Джузеппе замер. Такого удара он не ожидал.

— Ык... как? — выдавил из себя он.

— Какомверху, коллега. Я давно хотел сказать, но всё чего-то ждал... Зря ждал. Последние тесты не оставляют сомнений. Вы провалились. Ваши мишки и собачки оказались унылым говном. Генетическим мусором, — последние слова доктор произнёс с таким выражением лица, как будто ему предложили содержимое сливной камеры биореактора в качестве десерта. — Помните, как вы здесь, в этом же кабинете, требовали от меня самый лучший материал? Вы его получили. Что вы с ним сделали? Своим идиотским методом вы испортили десяток вполне приличных заготовок. Которые теперь, скорее всего, пойдут на общее, а потом в при-слугу. Или на границу. Не считая тех, кто отправится вниз.

— Давайте попозже поговорим. Я опаздываю в вольер на кормёжку, — сказал Джузеппе, отчаянно пытаюсь выиграть немножко времени. Если сейчас обратиться через голову Карло... рискованно, да, но можно попробовать. Пока приказ не подписан, ещё не поздно...

Карло покачал головой.

— Нет. Сначала покончим с этим. Надеюсь, ваши питомцы не перегрызут друг друга за это время?

— Замеры...

— Коллега, не морочьте мне голову! Вы хотите прямо сейчас побежать к телефону и наябедничать на меня своим дружкам в администрации. Я вас где-то даже понимаю. Однако не сочувствую. Так бездарно перевести на клетки гору хорошего мяса...

— Хорошо, — Сизый Нос ощерился. — Мой метод не сработал, доктор Карло Коллоди. Вы это хотели слышать? Вы это услышали. А теперь снимайте с меня баллы, лишайте прав человека, делайте что хотите...

— Не беспокойтесь, сниму, — Карло прищурился. — Не за провал программы, а за истерику. Умейте проигрывать, Джузеппе.

Джузеппе внезапно захотелось убить доктора Карло Коллоди. Убить по-медвежачьи: сжать лапами хлипкое хомосячье тельце и взять челюстями за лицо. Приятно жевать лицо. Приятнее только внутренности выедавать. Потроха сладкие, пока живые. Кишочки кисленькие. Желудок — это уж кто чем постоловался перед смертью... Да всё, всё там такое вкусное, пока живое, дёргающееся... Зарыться мордой в рану, вытягивать потрошки зубами, выкусывать... рррвяу...

— Всех на общее развитие? — сказал он вместо этого. — Послушайте, доктор, это уже слишком. У меня есть несколько образцов, которых я собирался брать к себе на индивидуальное. Например, эта парочка. Медвежка с крысой и бурундук. Очень высокая кооперация. Практически готовая пара.

— Да, я смотрел отчёты. Чип и Гаечка, если я правильно помню прозвища. Ничего интересного, обычная сексуальная привязанность со стороны самки. И самец, которому нужны баллы и еда. Реальный уровень координации очень низкий. Они даже не могут отстоять монополию на первое кормление. Кто это там всё время отнимает у них еду?

— Не всё время, — Джузеппе постарался быть вежливым. — Один деф из контрольной группы. Бамбук.

— Ага, контрольная группа. То есть вы, по крайней мере, не испортили материал. Вообще, интересное существо. Что-то такое у него было с носом?

— Длинный нос. Он им пользуется как стилетом. Идиотская идея. Хороший боковой удар — и у него вывернутся хрящи из черепа. Я ему говорил, но он только хихикает. Ну что вы хотите, у него ИQ шестьдесят четыре.

— Очень интересно... А что, он ни разу не получал хороших боковых ударов? Он у вас что, в учебку не ходит?

— Ходит, конечно. А что?

— То, за что я сниму с вас баллы за сообразительность. Когда я просматривал документы шестьдесят третьей серии, я обратил внимание на этот нос. А потом посмотрел список обращений в больничку. Ничего серьёзного. Ушибы, растяжения, несколько раз — пробой кожного покрова. И ничего насчёт лица. Вообще ничего.

— Да? А я вот помню, этот красавчик пару месяцев назад ходил с обломанным носом. Повезло парню.

— Дочь твою мать, какой же всё-таки кретин. Вы когда-нибудь пробовали ломать бамбук? Вы хоть знаете, что такое армированный бамбук, Джузеппе? Вы можете хоть раз подумать своими тупыми, засратыми медвежьими мозгами...

Джузеппе зарычал и бросился на Карло, раскрыв зубастую пасть.

Через пять минут кривящийся от боли Джузеппе зализывал длинным языком кровавые пятна на полу. Карло Коллоди, бледный, но спокойный, стоял у зеркала и проклеивал органическим клеем содранную кожу, следя, чтобы в швы не попадали волосы.

— Я всегда думал, — подал голос Джузеппе, — что от мошонки надо избавляться. Семенники можно располагать в полости, под костью, и охлаждать каким-нибудь устройством.

— Мы об этом тоже думали, — Карло, осторожно отодвигая липкие от крови пряди, приводил в порядок обгрызенный затылок, — в таком варианте возникают проблемы с теплоотводом. А постоянный перегрев в области крестца — это ещё хуже... Надеюсь, мне удалось оторвать ваши тестикулы? Хотелось бы надеяться.

— Нет, — Джузеппе постарался скрыть удовлетворение, — хотя ушиб, конечно, сильный. У вас хорошая реакция, доктор Коллоди.

— Ну, с реакцией у меня всегда было нормально. А вот увёртливость — не выше троечки. Кстати, — заявил доктор, управившись с последним швом, — я намерен воспользоваться правом победителя. Когда доложите кровь — снимите штаны и примите коленно-локтевое положение.

— Да, конечно, — залебезил Джузеппе, — только мне хотелось бы сначала... я бы отошёл на минутку в туалет. У меня там... не очень чисто.

— Нет, сейчас, — Карло зло прищурился, — именно сейчас. Мне хочется посмотреть, обильно ль вы обосрались, дорогой коллега.

Униженный Сизый Нос, кряхтя, снял штаны и принял надлежащую позу. Коллоди подошёл сзади и, не стесняясь, обнюхал шерсть вокруг плотно сжатого заднего прохода дорогого коллеги. Хотя предательский жёлтый потёк и без того говорил сам за себя.

— Вздриснул, — заключил Карло. — Медвежья болезнь, да? Беда с вами, с мохнорылыми. Никак не вычистим это из ваших генов. Хотя... я, откровенно говоря, ожидал худшего. Вы умеете управлять своим сфинктером. Ну хоть *что-то* вы умеете.

— Если бы я обделался по-настоящему, тут было бы не продохнуть, — попытался огрызнуться Джузеппе, понимая, впрочем, что звучит это жалко и постыдно. — Если вы намерены пользоваться правом, разрешите мне всё-таки сначала выйти в туалет, — капитулировал он. — У меня там внутри кое-что лишнее.

— Ладно уж, одевайтесь. Меня не интересует ваша прямая кишка в качестве сексуального объекта, и я не хочу вас опускать. Если честно, я хотел посмотреть на состояние ваших паховых вен. Что ж, примерно этого я и ожидал. Ваше поведение уже давно меня беспокоит, а уж сегодняшняя сцена... Кто вам, интересно, делает уколы? Кто-то из ваших кукол? Найду — отправлю вниз, на препараты... На чём вы сидите, Джузеппе? Опииаты? Псевдоэндорфины? Или всё-таки айс?

Медведь молчал, изо всех сил удерживаясь от того, чтобы не обделаться уже по-настоящему.

— В общем, так. О вас давно ходят слухи, что вы подсели на вещества, но я не придавал этому значения. Так вот — если я услышу... хотя бы услышу, Сизый, что вы продолжаете баловаться наркотиками, я потребую

расследования и анализов. И если в ваших тканях найдут что-нибудь запрещённое... В лучшем случае вы отделаетесь потерей прав. В худшем — дефолт и на общее.

Джузеппе понуро поворотил сизую морду в сторону.

— Ладно уж. Вернёмся к прерванной дискуссии, — как ни в чём не бывало продолжал доктор. — Так вот, армированный бамбук не ломается. Эта ваша заготовка делает страховочный надрез на носу. Парень неглуп и сообразителен, а вы это проглядели, потому что он у вас был в контрольной группе. Типичная для вас ошибка. Пожалуй, я беру его к себе на индивидуальное развитие. Попробую что-нибудь сделать из этого материала. Идите, что ли. Компетентность у вас теперь девятка. Надо было бы снять два балла, но... Но не хочу. Вы довольно толковый специалист, Джузеппе. Хотя нет, всё-таки бестолковый. Однако остальные ещё хуже. Чесгря, я вообще не знаю, на кого теперь можно положиться.

Джузеппе постарался подавить в себе злобу: он понимал, что старик обошёлся с ним куда мягче, чем он того заслуживал. Тем не менее потеря балла была неприятной, поскольку лишала его некоторых привилегий. Перспектива расследования была ещё хуже: Карло по такому поводу был вполне способен поднять гевалт.

Он попробовал утешить себя той мыслью, что у доктора с его скверным характером тоже бывают неприятности с начальством. В сущности говоря, не так уж и прочно сидит господин Карло Коллоди в своём кресле. Если бы он не был таким отменным оператором секвенсора... И если вдруг...

Чёрт возьми! Надо, наконец, решиться. Это дорого ему обойдётся, но он закроет проблему со стариком. Раз и навсегда. Правда, это означает пойти на преступление — ну или оплатить преступление, что одно и то же. Так или иначе, терпеть над собой доктора Карло Коллоди больше нельзя. Хотя, конечно, страшновато...

Под хвостом опять стало тепло и мокро. Сизый Нос мысленно побещал себе больше не выёживаться и всегда носить обычные медвежьи прокладки.

Доктор демонстративно понюхал воздух.

— Нельзя гадить в штаны, — заметил он поучающим тоном. — Срать в штаны запрещено.

Глава 3,

в которой уже знакомая нам компания попадает в затруднительное положение и лишается верного спутника

29 сентября 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Около полудня.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Справка-ориентировка. Полоса размежевания («нейтралка») между доменом Шерстяных и Вондерлендом. Ширина — от полукилометра до полутора. Постоянно живущих разумных (ИQ>70) существ нет. Несмотря на относительную близость Зоны, тесла-мутанты практически не встречаются, из-за кратковременности и непостоянства тесла-зацеплений.

Сохранились отдельные строения дохомокостной эпохи. Ближайшее крупное сооружение: немецкая военная база Graublauichtung («Сизая Поляна»). Законсервирована; все попытки проникновения извне безуспешны.

Ближайшие населённые пункты: укрепление Гиен-Аул (шерстяные), мини-сити Кавай (Вондерленд). К посещению не рекомендованы.

Карабас бар Раббас лежал на неправдоподобно зелёной, глянцеви́то сияющей траве. Все травинки были ровненькими, совершенно одинаковыми, с плоскими, будто подстриженными, кончиками. Он задумался над этим и решил, что они и в самом деле стрижены — никакая генная модификация не могла бы так выластить газон по ранжиру. Слишком многое тут должно было играть за разномастность, начиная с разной освещённости.

Присмотревшись, раввин заметил муравья-листореза, сидящего на кончике листа. Муравей был мёртв — или, если угодно, дохл. Бар Раббас немного подумал, можно ли так сказать по-русски, и решил, что по-русски можно сказать всё и по-всякому.

Он перевёл взгляд чуть дальше — туда, где газон прорезала лента ручья. Вода текла лениво, нехотя огибая мелкие камни. На другой стороне ручья газона уже не было — там дрожали под солнцем неровные листья обычного дикого разнотравья, с неровными белыми пятнами зонтиков-соцветий, теребимыми случайными ветерками. Цикады самозабвенно пилили какой-то огромный бюджет, им подсвистывали и подхрустывали мелкие насекомые.

Дальше были развалины то ли домика, то ли маленькой церквушки. Рядом с ними стояла стройная как свечечка белая башенка — ровная, без единого пятнышка, с гранёной верхушкой, увенчанной чёрным навершием. На нём хорошо смотрелся бы ворон или бэтмен. Однако шпиль был пуст.

Карабас и раньше видел такие постройки. Их строили в последние полвека перед Хомокостом, из непонятных материалов, очень похожих на камень или кирпич, но неразрушающихся. На них почему-то никогда не садились птицы.

Зелёное море рассекала длинная, сужающаяся тень от покосившейся мачты древнего ветряка. С обломка лопасти свисал свинцово-серый кусок оболочки дирижабля с буквами «LED». Дальше было оторвано — если оно вообще было.

Правее располагались какие-то неживописные, потерявшие всякие очертания руины, а за ними виднелись невысокие холмы, поросшие тёмным сердитым лесом. Поверх него — лениво, вразвалочку, как бы цепляясь за неровную стену сосен — плыло огромное облако.

— Пиздец, — сказал Карабас, ни к кому не обращаясь.

— Что-то вроде того, — согласился Базилио, сидящий рядом на растеленном плаще. Удобно поджав под себя тонкие сухие ноги, он задумчиво ковырялся травинкой в передних клыках.

— Или ты имеешь в виду что-то конкретное? — уточнил кот на всякий случай.

— Кенни пиздец, — пояснил раввин. — Они сейчас его нашли. То есть Пьеро нашёл. Теперь вспоминает, что вроде бы что-то такое предвидел.

— Дорога ложка к обеду, — вздохнул кот. — Итак, наши дальнейшие планы, герр Шварцкопф?

— Уж лучше — синьор Тестанера или как-то так... пфффф, — Карабас перевернулся на живот и надвинул на лоб раввинский капелюш, спасаясь от припекающего солнышка. — Так что мы имеем?

— Эта скобейда со своим псом нас чуть не кокнула, — сообщил не-свежую новость Базилио.

— Со своим псом? Не думаю, что Артемон предал. Предательские мысли прорастают исподволь. На это нужно время. Я бы заметил. Нет, его не спрашивали. Мальвина всё сделала сама.

— Дёрнула за какой-нибудь рычаг? — уточнил кот.

— Уже не помню, рычаг там или кнопка, — признался Карабас. — Вряд ли что-то сложное. В общем, выбрала она свободу — за себя и за

Артёмку. Меня интересует другое — как она смогла раскочегарить базу. Туда надо было проникнуть и добраться до пульта управления.

— Запилила всё бэтмену в бошку и отправила вниз, делов-то, — проворчал кот.

— Насколько я знаю эти штуки, там даже мышь не проскочит, — не согласился бар Раббас.

— Мышь не проскочит? А может, она-то и проскочила. Или крыса. Не основа, а настоящая крыса или мышь. *Anima vili**. Какое-нибудь мелкое животное с перепаянными мозгами. Пробралось к пультам и перегрызло какой-нибудь проводок. Или село на какую-нибудь клавишу. И оппаньки.

— И как ты себе это представляешь? Бэтмен падает с шести километров, держа в зубах мышку? Они оба содохнут.

— А кто тебе сказал, что она активировала базу перед побегом? Это было бы глупо. Когда мы последний раз парковались?

— У озера Гарда. Никакая мышь оттуда не добежит.

— Кстати, а что нам там было нужно? — вдруг заинтересовался кот.

— Кое с кем переговорить, — Карабас дал Базилио ровно столько информации, сколько тот мог выжать сам из имеющихся данных. Тем более, что вспоминать о разговоре с Тортиллою ему было неприятно.

Послышались голоса — возвращались Пьеро и Арлекин. У Пьеро, судя по всему, начался очередной айс-дефолт.

— Лила, лила, лила, качала, — бормотал поэт, постепенно повышая голос. — Белей лилей, алее лала, была бела ты и ала, Мальва, Мальвина, о нет, в тебе нет ни капли алого, лилового нет, ты вся — поцелуй на морозе, вся белая на голубом. Но песню иную о дальней земле носил мой приятель с собою в седле. Он пел, озирая чужие края: Мальвина пропала, невеста моя! — последние слова он провыл уже в полный голос.

Раздался негромкий, отчётливый звук хлопка одной ладонью: Арлекин отвесил Пьеро смачную плюху. Через пару мгновений звук повторился в другой тональности — автор плюхи решил подкрепить достигнутый эффект подзатыльником.

— Завали ебало, вафел, — завершил он воспитательные действия.

Кот оглянулся на звук, приподнял очки, настраивая дальнюю оптику.

— Они что-то несут, — сообщил он, — вот только не разберу что.

— Кенни, плитку и мой продуктовый мешок, — объяснил раввин. — Нам надо подкрепиться. Ты как насчёт этого?

— Пожалуй, да, — кот нервно зевнул. — А ты как?

— Дозволенное в пищу млекопитающее должно быть парнокопытным и жвачным, а ситуации пикуах нефеш я пока не усматриваю, — принялся объяснять раввин. — Вообще вопрос очень интересный и спорный. «Книга ангела Рафаэля» абсолютно запрещает употребление

* «Низшая жизнь», примитивные существа (*лат.*).

подобного мяса в пищу даже в ситуации пикуах нефеш, хотя Рамбам в «Маахалот Асурот» пишет...

Кот демонстративно поджал уши.

— Ладно, хватит прохлаждаться, — прервался Карабас. — Набери сушняка, а я пойду поищу какой-нибудь камень на могилу. К останкам надо отнестись уважительно.

Раввин вернулся минут через сорок. Пыхтя и отдуваясь, он тащил на спине могильную плиту.

Маленький отряд к тому времени уже сидел у небольшого костерка. Пьеро, скорчившись и закрыв лицо руками, тихо, беззвучно плакал — у него пошла терминальная стадия айс-дефолта. Арлекин возился с внутренностями, копаясь в кишках. Аккуратный кот поджаривал на прутике печёночку.

— Оскоромиться не желаешь? — осведомился он, протягивая раввину прутик с дымящимся кусочком мяса. — Свежатинку знаешь как хорошо?

— Знаю, — раввин осторожно присел, спуская с плеч груз. — Достань из мешка мои крекеры. И воду надо бы вскипятить.

— Не в чем, — вздохнул кот.

— Сбегай к гондоле, — сказал Карабас, глядя на суетящегося Арлекина. — Принеси что-нибудь, только быстро. Кстати, поищи мой хумидор.

— Шеф, ну дай пожрать-то! — возмутился Арлекин, торопливо набивая рот мясом и брызгая соком.

Карабас прищурился. Арлекин — явно против воли — вскочил, вытянулся, правая рука выронила мясо и угрожающе отошла в сторону, сжимаясь в кулак.

— Понял-понял, я ща, я мухой, — забормотал маленький педрилка.

— Кстати вариант, мухой-то! — сообразил кот. — У нас же вроде остался бэтмен? Ты же до него дотягиваешься? Вот пусть и слетает. Задно и хумидор поищет.

— Он сейчас кормится, — нахмурился раввин, не любящий, когда его распоряжения оспаривают. — Хотя ладно, пусть летит. Сиди, — бросил он Арлекину, — жри.

— А ничего был этот Кенни, — заметил кот, обсасывая прутик после печёнки. — Язык мне поджарь, — обратился он к Арлекину. — Шварцкопф, у тебя в мешке специ?

— Горный перец, должен подойти, — раввин немного подумал. — Слушай, а ты не помнишь, кто был покойник по базе? Свиных генов в нём вроде бы не было... зайца тоже непохоже чтоб было... ничего особенно некошерного не припоминаю...

Арлекин сообразил, что голодный гигант может присоединиться к трапезе, и заработал челюстями с удвоенной силой.

— Напсибыпытреть, — отчётливо, по буквам, выговорил Пьеро. — Нап-си-бы-пыт-ре-ть.

— Чо? — заинтересовался Арлекин, смачно чавкая. — Может, в очо? — решил уточнить он, ответа не дождавшись. — Эт-то мы запросто...

— Напсибыпытреть, — повторил поэт. — Это слово я придумаю завтра. Чтобы все поминать того самого, кто во всём виноват. Напсибыпытреть. Пусть он и будет виноват во всём. Ты же, Мальвина, любимая, чиста, ты ни в чём не повинна: так склеились звёзды... — он внезапно выбросил вперёд руку с тонкими длинными пальцами, схватил комок полусырого мяса и, обливаясь слезами, запихнул его себе в рот.

— Смотри-ка ты, оживает, на хавчик пробило, — заметил кот. — Кстати, где мой жареный язык?

— Дык, это... головы нет, — признал Арлекин. — Оторвало взрывом. Не повезло парню. Даже не могу понять, как ему так не повезло. Мы отделились синяками, а он вот так.

— Затем и брали, — Карабас, отбросив колебания, решительно потянулся за очередным прутиком. — Потому и отделились.

— Талисман? — понял кот. — Не знал. Ты не говорил, что у нас есть талисман.

— Так погребали они конеборого Гектора тело, — ляпнул какую-то глупость Пьеро, прожёвывая кусок Кенни.

— Талисман — это чего? — задал куда более осмысленный вопрос Арлекин.

— Это того, — снизошёл до объяснений раввин. — Редкий Дар. Как у обломинго, только наоборот. Стягивает плохие вероятности с других на себя. Такое как бы самопожертвование. Русские гены. Карта генетическая утеряна. Их почти не осталось.

— То есть наш секретный козырь мы истратили в самом начале, — констатировал кот. — Жаль. Я руки помою. Там, кажется, вода? — он повернул голову в сторону ручья.

— Да, там. Я тоже схожу. Приберите за собой и сделайте приличную могилу, похороним объедки, — распорядился Карабас.

Ручей оказался очень мелким и довольно мутным. Кот тем не менее тщательно умыл лицо, расчесал когтями слипшуюся под подбородком шерстку и потом снова умылся.

Карабас присел рядом, показывая, что намерен продолжить разговор, но сам начинать не хочет. Базилио понял.

— Что будем делать дальше? Вернёмся к гондоле? — спросил он.

— Нет. Нужно оставаться здесь. Займём, например, ту башенку. Если сможем открыть дверь. Если не сможем — заночуем в развалинах. К гондоле лучше не возвращаться. Всё равно ничего ценного там нет. Кроме моих сигарок разве что. А вот шерстяные там очень скоро объявятся. Это их территория, а они нервные.

— Шерстяные — плохо. А что им помешает досюда прогуляться? — осведомился кот.

— Тут у нас есть шансы, — принялся объяснять Карабас. — Смотри, какой расклад. Мы упали на шерстяных, буквально на самый краешек. Тут мы в междоменной зоне. Вон там, — он показал на холмы, — начинается Вондерленд. Раньше его держал Великий Ёпрст Апостасий, а теперь там всё занято. Шерстяные поняш стремятся, зазря на них не лезут. А поняши, хоть они скобейды те ещё, всё-таки понятия признают. В отличие от шерстяных. Они нас пропустят.

Базилио вздохнул.

— Шварц, ну мы же оба не вчера родились и Страну Дураков знаем. Не верь авторитетам, не надейся на авторитетов, не проси у авторитетов. И никогда не говори за понятия, если ты сам не авторитет. Для электората понятий нет, а мы для местных — именно электорат, что бы мы сами о себе ни думали. Лучше подумай о том, сколько нахнахов ты можешь построить в случае чего. И можешь ли ты построить хотя бы одну поняшу. Особенно если учесть, что ты, так сказать, самец. Посмотрит она на тебя своими глазами — и всё, пиши пропал.

— Нам всё равно нужен проход до Директории, — напомнил Карабас. — Через шерстяных мы не пойдём. Я не хочу встречаться с Тарзаном и его обезьянами. Подобное общение контрпродуктивно, если ты понимаешь, о чём я. А Царь Зверей нами обязательно заинтересуется. Однако не настолько, чтобы лезть в Вондерленд.

— И как это мы пройдем через поняш? Не говоря уже о том, что нам нужно что-то есть, на чём-то передвигаться и где-то отсыпаться. Всё это требует денег. А наше золото прихватила с собой Мальвина. У тебя что-нибудь осталось?

— Пять соверенов, — вздохнул Карабас, — в кармане заваялись. Это на крайний случай. А вообще — ситуация неприятная, но решаемая. Мы будем давать представления. Эмпатетический театр. Пьеро с Арлекином — готовая пара. Наберём ещё местных для усиления эффекта.

— Это то, о чём я подумал? Мерзость какая, — Базилио встопорщил усы. — Никак нельзя без этого?

— Предложи другой вариант, — развёл руками Карабас. — Не забудь, это поняши. Девочки любят слэш.

— Я и говорю: мерзость, — зашипел кот. — Надеюсь, я в этом не участвую?

— Нет. У тебя другое задание. Ты должен выйти на нашего несостоявшегося проводника. К сожалению, он живёт в неприятном месте, но ты там пройдёшь. Тут недалеко.

— Если это недалеко, ты называешь место неприятным и это не шерстяные — остаётся Зона, — кот поёжился. — Я прав?

— К Монолиту я тебя не посылаю, и сталкерских подвигов на Поле Чудес от тебя никто не ждёт, — усмехнулся Карабас. — Просто встретишь одного легендарного персонажа. Который согласился с нами сотрудничать. Болотный Доктор.

— Пивочник? — кот впал в задумчивость. — Это который тебя из болота вытащил?

— Он самый. Достал меня из самой трясины. В которой я пролежал очень долго. С момента падения Монолита, собственно.

— Всё хотел спросить. А как он тебя нашёл? — поинтересовался кот.

— Случайно, — ответил Карабас. — Тащил оттуда бегемота, ну и случайно зацепил меня. Сначала принял за мумию, потом разобрался. Я где-то год провёл у него в яме с пиявками. Отличное было время.

— И он настолько крут, как о нём говорят? — спросил кот.

— У него сложный характер, но он самый крутой парень по эту сторону Альп. Вы друг другу понравитесь.

— Если я раньше не попаду в какую-нибудь «жарку» или «мясорубку», — проворчал Базилио.

— Ты гайзер, Баз. Ты единственный из нас, кто может видеть тесла-эффекты.

— Некоторые, быть может, — проворчал кот. — Но вообще... в Зону... одному... без единого отмычки...

— Кенни мы истратили, — напомнил Карабас. — Кстати, пошли уже, закончим с ним. Остальное обсудим ночью, когда эти друзья, гм... заснут.

— Вместе, — не удержался кот. Раввин промолчал.

Когда Карабас и Базилио вернулись, объедки Кенни лежали в неглубокой ямке, деликатно прикрытые оранжевой паркой.

— Они убили Кенни, — вздохнул кот, почёсывая когтем под очками. — Сволочи.

— А был ли покойный нравственным человеком? — глупо пошутил Арлекин. Карабас с интересом посмотрел ему в голову и убедился, что классическую цитату занесло туда случайно: Арле в молодости жил с каким-то долбодятлом, вдолбившим ему в голову несколько фразочек.

Раввин поднял плиту. Огромные руки напряглись, рукава сюртука собрались в гармошку.

— Кенни умер за нас и отдал нам свою плоть и кровь. Спаси... — он ухватил тяжёлую плиту поудобнее, — спасидо.

Единственный уцелевший бэтмен с писком пронёсся над ямкой и уронил туда струйку жидкого помёта. Глупое существо тоже чувствовало смерть и по-своему пыталось соболезновать.

Карабас со вздохом уронил плиту на ямку, поправил, потом встал на неё сверху. Мягкая земля просела под тяжестью огромного тела. Раввин прошёлся сапогами по краям.

— Могила покрыта, — сказал он. — Ну теперь, наверное, всё. Я бы мог ещё прочесть цидук а-дин, но кто это оценит?

— Не я, — решительно заявил Базилио. — Заупокойные молитвы не имеют смысла, так как душа уже получает то, что приуготовала себе своими земными трудами.

— Кенни был единственным, кто меня понимал, — сообщил Пьеро, оставив остановившийся взгляд куда-то в небо.

Арлекин открыл рот, явно собираясь сказать очередную гадость, но Карабас скосил глаза — и рот маленького педрилки судорожно сжался в куриную гузку.

Пьеро встал, подошёл к плите, обнял её мягкими руками. Уткнулся лицом в старый камень, на котором ещё виднелись остатки надписи. Прочсть надпись целиком поэт не смог: шредеры-буквоеды погрызли почти все буквы, заменив их, как обычно, на аккуратные пустые квадратики. Осталось только одно слово и хвостик другого — «ПОСТОРОННИМ В». Пьеро попробовал подумать, кто бы это мог быть. Но вместо этого просто поцеловал камень и зашёлся-забился в рыданиях — обильных и сладких, как всегда, когда айс отпускает.

Когда он кончил и поднял голову, то увидел удаляющуюся чёрную спину Карабаса, уверенным шагом идущего к башенке. В очертаниях его фигуры чудилось что-то величественное, судьбоносное что-то.

У Пьеро в спине сладко кольнуло. И тут же растаяло, как ледяная иголочка.

Глава 4,

*в которой наш юноша обретает жизненную перспективу,
а также получает имя*

Тот же день, несколько раньше.

Институт Трансгенных Исследований, корпус В.

1-й надземный этаж, смотровая.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 15808

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: естественное

ДАТА РОЖДЕНИЯ: неизвестна

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 100 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 60 биолет

ПОЛ: мужской

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 1205

ОСНОВА: шимпанзе

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человек

ПРИМЕНЕНИЕ: трансгенные операции, наладка и обслуживание
клеточного секвенсора Sherman/KA-5003

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Карло Коллоди

КЛИЧКА: Карло

Доктор Карло Коллоди скептически рассматривал стоящую перед ним заготовку.

С виду — типичный бамбук. Неподвижное зеленоватое лицо со следами мачете. Узенькие глазки-щёлочки. Вроде бы на них плёнка? А, нет, это эпикантус, третье веко. Тогда всем бамбукам зачем-то ставили, концепция у них была такая... Пресловутый нос. Н-да, настоящая пика. Стреховочного надреза почти не видно, но он есть... Не то чтобы урод. Но уж точно не красавец. Скорее всего, хороший боец. Наверняка — более сообразителен, чем от него ожидают. Сделан год назад. Биологический

возраст пятнадцать лет. В человеческие времена это был бы ещё ребёнок. Или уже подросток? А без разницы.

Развитие мозга по базовой модели два, с модификацией пятнадцать... Вот же ёпть, скобейда ежовая, до чего мы мало всё-таки знаем об этих штуках. Самое мерзотное — мы не знаем даже, чего именно мы не знаем. Из дохомокостного наследия уцелела едва ли сотая часть. И то ещё как посмотреть — уцелела или нет. Например, вот он, Карло, умеет управлять шермановским клеточным секвенсором модели КА. Он даже умеет чинить секвенсор — хорошо хоть, это не часто надобится... Рано или поздно с шарманкой случится что-нибудь по-настоящему серьёзное — ну, скажем, сгорят настроечные платы, которые и так на ладан дышат. И все его, доктора, распрекрасные умения пойдут Джузеппе под хвост. Потому что второй такой машины в Директории нет, как её сделать — неизвестно. Может быть, в Директории освоят такие технологии. Лет через пятьсот. Или вообще никогда. Что гораздо вероятнее.

Ладно, об этом мы подумаем завтра, решил доктор. Сейчас надо провести собеседование с этим поленом.

— Ну вот что, — Карло решил не церемониться, — ты, наверное, уже всё понял. Я беру тебя к себе на индивидуальное развитие. Это очень большая честь. Ты её ничем не заслужил. Вся твоя серия никуда не годится. Они пойдут на общее. Скорее всего, ты их больше никогда не увидишь.

— Жаль, — непритворно огорчился деревянный парень. Карло отметил про себя, что голос у него тоже деревянный: высокий и скрипучий, как несмазанная дверь.

Он попытался вспомнить, слышал ли он когда-либо скрип несмазанной двери. Кажется, да, в раннем детстве, когда на пустых территориях пытались наладить какую-то жизнь. Очень смутно проявились в памяти чьи-то мохнатые руки, подсаживавшие его на крутую деревянную лестницу. Потом — гостиная со скелетами в истлевших лохмотьях. Скелетов он не боялся: в каждом доме, где они останавливались, были такие скелеты, укутанные остатками одежды и пахнущие чем-то сладким. Однажды маленькому Карло попался смешной маленький скелетик в совершенно целом серебряном костюме из какого-то неизвестного материала. Он хотел забрать костюм себе, но старшие отняли добычу, наградив его вдобавок парой затрещин. Впрочем, потом, повзрослев, он сам отобрал у молодого шимпанзёнка тот комби, который сейчас носит, и тоже расплатился с ним парой хороших тумаков. Круговорот несправедливости в природе.

Н-да, послевоенные времена... Найдя новый дом, старшие первым делом выкидывали скелеты, потом располагались в самой большой комнате и отправлялись на поиски еды. Обычно еда находилась: в больших домах тогда ещё работали криосистемы. Как-то раз они нашли целого мороженого поросёнка и зажарили его в саду. Ему тоже достался кусочек мяса с обрывком шкурки. Мясо было абсолютно безвкусным.

— А Гаечка тоже на общее пойдёт? Она ничего так, не глупая, — похоже, деревянный парень набрался смелости. Карло это даже понравилось.

— Гаечка пойдёт на препараты. Она больше ни на что не годится.

Бамбук огорчился: на зеленоватой коже встопорчилась недовольная складка.

— По закону, — продолжал как ни в чём не бывало Карло, — я должен объяснить тебе твоё положение и перспективы. Если они тебя устраивают, ты остаёшься со мной. Если нет — можешь вернуться в вольер. Правда, я что-то не помню случая, чтобы кто-то отказывался...

— Я не откажусь! — заверил деревянный парень, всячески стараясь быть убедительным. — Яюшки, я не откажусь!

— Ну-ну. Значит, так. Вашу серию вёл доктор Джузеппе. Он работал с вами с самого начала. У него была теория... довольно красивая, надо признать, теория, об аксонном обмене. Часть вашей серии была им модифицирована, остальные были в контрольной группе. Ты был в контрольной группе. Соответственно, тебе светило общее. Но, поскольку теория доктора Джузеппе оказалась неверной, на общее пойдут его изделия. Следовало бы отправить туда же всю серию, однако я в ней вижу ряд интересных решений. А я не люблю разбрасываться материалом. У тебя, кажется, есть способности к логическому мышлению. Вот, например, — он неожиданно схватил бамбука за нос и резко потянул.

— Ёоопть! — взвыл бамбук, но было поздно: раздался треск, и заострённый деревянный обломок оказался в руке доктора.

— Неплохо. Как ты догадался делать зарубку на носу?

— Ну а как? Иначе стукнут сбоку, и всё хозяйство из черепа нах, — удивился деревяшкин.

— Я не про это. Как вообще пришла тебе в голову такая идея?

Бамбук пожал блестящими отшкуренными плечами.

— А я почём знаю?

— Интересный вариант аутоагностицизма... Наши с тобой создатели вот тоже много чего напридумывали, не особенно интересуясь, откуда у них такие идеи и что из них последует. Кончилось всё это очень плохо. Во всяком случае для них. Теперь особой вида Homo Sapiens Sapiens нет. И не будет, прошу заметить.

— А я вот не понимаю! — заявил деревянный. — Геном-то ихний остался, так? У нас всех человеческих генов дофигища. Наделали бы людей. Чего с нами-то возиться?

— Если бы дело было в этом, — проворчал Карло. — Наша милая планетка заражена Ясным Перцем. То есть гипервирусом, заточенным специально под хомо. Высокоточное биологическое оружие. Генетически адекватный хомо не проживёт на свежем воздухе и суток. Я сам, например — шимп третьего типа. И то — есть места, где мне лучше не появляться. Например, в зонах первичного заражения... Да ты меня не слушаешь, паршивец!

Деревяшкин явно не слушал. Глазёнки бегали по потолку, ноги болтались и притоптывали.

Ага, понятно, подумал Коллоди. Рассеянное внимание и неспособность сосредоточиться. Типично для всех боевых моделей этой конфигурации. Зато у них рефлекс хорошие. Вот их-то мы сейчас и проверим.

Карло огляделся в поисках подходящего предмета. Смотровая, как и все вольерные комнаты, была оформлена в спартанском стиле: железная койка, привинченная к полу (на ней-то и сидел бамбук), шкафчик из бронестекла с лекарствами и инструментами и один стул. В углу стояла тяжёлая деревянная палка.

Он схватил её и замахнулся.

Доширак, не думая, ударил. Палка вылетела у старика из рук.

— Вот и збс. Теперь ты будешь меня слушать?

— А чего вы не дерётесь? — с обидой сказал деревяшкин. — Хочу баллы за спарринг.

— Драться с бамбуком? Мне на сегодня хватило доктора Джузеппе. У него были реальные шансы меня заломать, всё-таки медвежья хватка... Так вот, в своё время в Институте приняли решение: развивать только те генотипы, которые адекватно защищены от любого известного нам биологического оружия. Именно от любого известного. Хотя не факт, что завтра дураки не раскупорят какой-нибудь старый склад. И не вытащат оттуда что-нибудь такое, что выкосит нас всех.

— Да, вот я ещё хочу спросить! — у бамбука возник новый вопрос, и он торопился его высказать, чтобы не забыть, — я вот чего не понимаю. Чего дураки на нас тянут? Чего им надо? Потому что глупые, что ли?

Карло Коллоди посмотрел на деревянного парнишку с интересом.

— Ну в большинстве своём они действительно неумны. Средний IQ — где-то пятьдесят. Но руководят ими очень умные существа. В общем, поэтому и тянут. А что нападают — это им не нравятся наши порядки.

— А у нас не так, что ли? — бамбук аж скрючился от умственного усилия. — Дураки идут на общее развитие, умные на индивидуальное, ну и всё такое. А самые умные всем заправляют. В чём разница-то?

На этот раз Карло сделал длинную паузу.

— Некоторые простые вещи очень трудно объяснить, — наконец сказал он. — Попробую так. У нас с дураками разные представления о том, как должно быть устроено общество. Мы в Директории хотим, чтобы все стали умными. Мы копаемся в генах, чтобы повысить коэффициент интеллекта, мы пытаемся выводить новые типы существ... ну и так далее. Дуракам всего этого не надо. Их вполне устраивает, что большинство — полные дебилы. Их интересует только одно — чтобы этими дебилами было легко управлять... Оп-ля!

Он снова взмахнул палкой. Деревяшкин, только что увлечённо разглядывавший трещины на потолке, моментально вскочил на койку, отбил удар ногой. Палка полетела прямо в лицо старика. Тот едва успел уклониться.

Бамбук сложился почти пополам, уселся на корточки и опять начал разглядывать потолок.

— У тебя ассоциативные поля размазанные? — шумно выдохнул Карло. — И, кажется, проблемы с долговременной памятью... Ну и с мотивацией. Похоже, я зря тебя взял...

Деревянный человечек сообразил, что дело поворачивается скверно.

— Я буду умненький! Благоразумненький! — он умильно вытаращил глазёнки. — Буду всё слушать... и понимать... — он не удержался и смачно зевнул, показав острые блестящие зубы.

— Ладно, посмотрим, сколько в тебе благоразумия. Я тебя беру. Пошёл вон отсюда. На выходе скажи, чтобы тебя провели в корпус для эволюционирующих. Запомни — я твой куратор. Доктор Карло Коллоди. Заруби это себе на носу... н-да, это ты уже сделал... Что-то ещё... Ах да, тебе же нужен пропуск, — он кинул деревяшке металлический жетон. — Предъявишь его крокодилу на входе, он тебя пропустит. Твоя комната — 16А.

Бамбук преданно тарачил глаза, изо всех сил стараясь быть внимательным и ничего не упустить.

— Так, вроде всё. Гм-гм-гм. Чем-то я тебя собирался доперепрошить... А, Рһаеорһусеае. Водоросли.

— Йаечки! Не надо водоросли! — завопил деревяшкин. — Сопли зелёные!

— Не зелёные, а бурые, — поправил его доктор. — Зато это тебя хорошо иммунизирует. К тому же они вырабатывают аминокислоты, которых у тебя в родных генах нет. В общем, прошьём-ка мы тебя бурой тиной... А кстати, так тебя и назовём. Какая кликуха у тебя в вольере?

Деревянный парень разочарованно мотнул башкой.

— Да просто бамбуком все кличут. Я там один бамбук, — пояснил он.

— Есть такой обычай — получать кличку при переходе на индивидуальное. У тебя есть какие-нибудь субъективные пожелания?

Доширак повертел головой: слово «субъективные» не пролезло в его маленькую голову, и он на всякий случай решил отказаться.

— Значит, будет бурая тина... вот и будешь Бураятина... хотя нет, не звучит, пошлятина какая-то. Короче надо. Бура... *Буратина*. Нормалёк. Надо бы отметить. Ты как насчёт этого дела? — Карло щёлкнул себя пальцем по шее.

Деревяшкин радостно осклабился и закивал, всем своим видом выражая готовность к пьянству и алкоголизму.

— А насчёт этого? — Карло щёлкнул по сгибу локтя.

Деревяшкин мотнул головой, уже понимая, что ему, похоже, не нальют, — и хорошо ещё, если не воткнут.

— Ну хоть что-то... Я уж думал, Сизый Нос мог и этим угостить. В общем так: один раз учую от тебя запах спирта, получишь пятьдесят ударов по пяткам. Второй раз — отправлю на общее. Понял?

Бамбук уныло кивнул, понимая, что его развели и подудолили.

— Иди, — махнул рукой Карло. — Вечером тебя заберут на ребилдинг, а пока устраивайся. Комнату запомнил? — Деревяшкин только захлопал глазами. — Шестнадцать-а, бревно. Усвоил? Теперь пошёл, пока ещё что-то помнишь. Быстро! — рывкнул он, видя, что бамбук как-то не вовремя задумался.

Деревянный человечек вскочил, рывком открыл дверь и скрылся за ней. В голове вспыхнула лампочка — надо было бы попрощаться. Однако ему нужно было удержать в той же самой голове, не расплескавши, много всего другого — про жетон, про крокодила на входе, про комнату 16А.

А также и про то, что его теперь зовут Буратина.

Глава 5,

в которой все спят, кроме двух старых друзей, которые заняты важным разговором

30 сентября 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Около трёх часов ночи.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Информацию, сообщаемую агенту, следует рассматривать как часть материального обеспечения. Как и с материальным обеспечением, здесь действует правило: у агента должно быть всё необходимое и ничего лишнего. Каждый лишний факт занимает место в памяти агента и мешает рациональному планированию его деятельности, подобно тому, как лишняя вещь в мешке увеличивает его тяжесть... Не следует сообщать агенту информацию, которую он неизбежно получит по ходу выполнения задания. Также не следует загромождать его память советами и рекомендациями, объективно полезными, но сковывающими инициативу и отвлекающими от основной цели.

Бибенгаф Н. Введение в планирование специальных операций. Лекционный курс / Пер. с немецк. под ред. полк. Барсукова. ООО «Хемуль», Дебет: Издательство Сенбернар, Зайненхунт и Ретривер, 294.

Верхняя комнатка в башне была крохотной и какой-то игрушечной. Очень гладкие белые стены, плавногибающая периметр скамеечка. Ровный пол, изрисованный разноцветными линиями и многоугольниками. Сквозь прозрачную часть стены лился лунный свет. Он как бы обволакивал вещи, и они тонули в нём, оставляя лишь тени, длинные и ломкие.

Карабас с трудом уместил часть мясистого зада на узкой полоске скамьи и с завистью посмотрел на удобно примостившегося кота. В тревожном свете луны лицо Базилио казалось ещё старше, чем днём.

— Не нравится мне здесь, — сказал кот.

— Тут спокойно, — заметил Карабас.

— Спокойно. Но неуютно, — кот зевнул, жёсткие вибриссы выпятились, обрамляя тёмный зев пасти. — Ты заметил, что здесь нет пыли? И при этом воздух не спёртый, есть вентиляция. Не кажется тебе это странным?

— Многого мы ещё не знаем, — философски заметил Карабас. — Кстати, а как ты заметил насчёт пыли? Ты же обычно на других волнах?

— Пыль фонит в ультрафиолете, — объяснил кот. — А тут чисто. И эти стены... Знаешь, что там внутри?

— Арматура, наверное, — предположил Карабас.

— Ничего, — вздохнул кот. — Вообще ничего. Даже трещин. Как из одного куска отлито. И звук не отражается. Эха нет. Совсем. Как в подушку.

— Были когда-то у людей технологии, — согласился Карабас. — Ладно, давай по делу. Задание и вводные. *Цабаль'царах. Дим Карабас ма'шерх.* И потом не говори, что не слышал.

— Слушаю и повинуюсь, — серьёзно сказал кот и наострил уши.

— Итак, — Карабас понял, что сидеть на такой узкой лавочке он не может, поэтому встал и заходил по комнатке — три шага туда, три обратно. — У тебя три задачи. Первая — дойти до Зоны. Вторая — найти Болотного Доктора. Третья — объяснить ситуацию и передать кое-что от меня. Дальше — ответить на его вопросы и уйти. Желательно — целым. И по возможности невредимым.

— Вот даже так? Понятно, — пробормотал кот. — А какова была первоначальная договорённость?

— Он обещал нас встретить на месте высадки. И дать проводника. Больше ничего он не обещал, — ответил Карабас.

— Подожди, я не понял, — кот развернулся, как пружина, и сел. — Диржабль должен был сесть в Зоне? С такими кадрами на борту, как наш Пьероша? И кто же это придумал такой гениальный план?

— Я, — сказал Карабас. — Это был единственный шанс зайти в Директорию тихо. Теперь об этом можно благополучно забыть. Нас там ждут. Потому что первое, что сделала Мальвина — так это слила всю известную ей инфу в Директорию. Если она не дура. А она не дура. Так что теперь мы туда поедем официально, под музыку, с оркестром.

— А понимаю она, по-твоему, не слила? — поинтересовался кот. — Или шерстяным? Чтобы они нас тут прижбулили в своём неподражаемом стиле?

— Я думал об этом. Нет, вряд ли. Смотри сам. Они с Артёмкой сейчас удерживают военный объект... не знаю, как они туда залезли, но это неважно. Допустим, они там засели. Сильная позиция, если учесть, что она способна контролировать низшую жизнь в окрестностях. Её ближайшая цель — стать соборно признанным авторитетом, как ты сам говорил. Так ты говорил?

— Ну да, — признал Базилио. — И сейчас так думаю. Однако замочить нас для неё святое дело и вопрос выживания. Сама она этого не может. А вот местным настучать, что мы тораборские шпионы с хрен знает каким заданием — почему нет, собственно?

Карабас отвернулся от окна, заложил руки за спину.

— Ты погоди-погоди, — сказал он. — Итак: она стремится в авторитеты и законные владельцы базы. Только в её признании никто не заинтересован. Нахнахи сами точили зубы на базу, просто зубки коротки. Поняш база вряд ли интересуется, зато баланс сил...

— Это всё too old, как говорят педведы, — невежливо прервал его кот. — Так с чего она молчать-то будет?

— Ну сам рассуди, — нахмурился Карабас. — Если она расскажет всё как есть, то по понятиям получится, что она сбежала от своего авторитета, то есть меня. Тогда она просто беглая джигурда, и авторитетом её никто не признаёт. Или вообще никогда, или очень долго, пока она всех не построит. А ей нужно сейчас.

— Очень гипотетическая конструкция, — кот в задумчивости поскрёб когтями подбородок. — А если мы про неё сольём?

— Мы-то сольём обязательно, — ответил Карабас, — но это наше слово против её слова. То есть ей-то, конечно, предъявят...

— Ты опять берёшься говорить за понятия, — кот начал сердиться. — Это бессмысленное занятие. Если ты сам не авторитет, то по понятиям ты всегда неправ.

— Я говорю не за понятия, а за Мальвину, — Карабас снова повернулся к окну, его широкая спина заслонила свет.

— Мыслей которой ты, сам говоришь, не понимаешь, — не промолчал кот.

— Хватит! — рявкнул Карабас. — Ты не дослушал вводные, — продолжил он чуть спокойнее. — Что ты знаешь о Зоне?

— Что и все, — кот тщательно выдержал нейтральный тон.

— Нет, ты подумай, — приказал раввин. — Ты именно подумай. А я посмотрю, что ты там надумаешь.

В комнате повисла тишина, и сразу стало понятно, что она отсюда никуда и не уходила, что она тут хозяйка, а любые звуки — случайные гости, заглянувшие, чтобы её ненадолго развлечь.

— Ну, в общем, всё правильно, — нарушил молчание Карабас. — Хотя по некоторым вопросам вижу я в тебе какие-то сомнения. Давай уточнимся... — он снова затопал по комнате, не обращая внимания на то, как тишина съедает звук шагов. — Итак, Зона. Ожидает на-пря-жённо бес-про-свет-найаааа... — пропел он строчку из заветного песнопенья, отчаянно фальшивя. — Если смотреть сверху — что-то вроде овала, растянутого на рельефе по меридиану. На самом деле он растянут между магнитных полюсов, это для точности.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Приквел. Сундук мертвеца	11
Пролог под землёй	25
Пролог на небе	37
Глава 1, в которой некий юноша томится, мучимый позывами плоти, однако не унывает	44
Глава 2, в которой совершается, а равно и открывается нечто неприглядное	50
Глава 3, в которой уже знакомая нам компания попадает в затруднительное положение и лишается верного спутника.	55
Глава 4, в которой наш юноша обретает жизненную перспективу, а также получает имя	63
Глава 5, в которой все спят, кроме двух старых друзей, которые заняты важным разговором	69
Глава 6, в которой наш юноша существенно улучшается изнутри и снаружи	76
Глава 7, в которой мы, обращаясь к уже прошедшим событиям и как бы смотря назад — что и впредь мы будем делать нередко — присутствуем при беседе отважного пилигрима со святым праведником.	80
Глава 8, в которой наш юноша задумывает и осуществляет некую каверзу, но немного промахивается, что весьма сильно влияет на дальнейшее развитие событий	87
Глава 9, в которой мы чуть было не становимся невольными свидетелями совершеннейшего неприличия	95
Глава 10, в которой наш юноша наживает себе врага в собственном доме	102
Глава 11, из которой мы кое-что узнаём о властях Директории и их управленческом стиле	106
Глава 12, в которой две благородные души мучительно разрываются между страстью, честью и долгом	112
Глава 13, в которой утомлённый странствием пилигрим находит стол, кров и компанию	121
Inspiratio. Видение Пьеро.	130
Глава 14, в которой наш юноша встречается со смертельной опасностью.	138
Глава 15, в которой мы знакомимся с личностью по-своему любопытной, но не особенно симпатичной	143

Глава 16, в которой наш юноша чудесным образом спасается от верной гибели и по такому случаю преисполняется энтузиазма	146
Глава 17, в которой мастер своего дела справляется со сложной работой и не остаётся без вознаграждения	150
Глава 18, в которой барышня, приятная во многих отношениях, узнаёт совершенно потрясающие новости	163
Глава 19, в которой отважный пилигрим совершает подвиг за подвигом, а в итоге попадает в большую беду	173
Глава 20, в которой кое-кто и не подозревает, что очень скоро получит награду за свои труды, вот только не совсем ту, на которую уповал . . .	194
Глава 21, в которой с отважным пилигримом случается нечто ужасающее	200
Глава 22, в которой целомудренной девушке делают непристойное предложение, от которого, однако же, совершенно невозможно отказаться	205
Глава 23, в которой послушная дочь внемлет материнским речам, но в конце концов предаётся разнузданности	214
Глава 24, в которой уже хорошо известный нам юноша заболевает, а излечившись, пытается нанести вред своему здоровью другим манером	229
Глава 25, в которой вновь открывается нечто неприглядное, но это открытие дарит кое-кому утраченные было надежды	240
Глава 26, в которой наш старый знакомый сначала обещает сделать одолжение, а потом одалживается сам	245
Глава 27, в которой целомудренная девушка пытается нарушить своё подзатынувшееся девство, но преуспевает в этом, прямо скажем, не вполне	255
Глава 28, в которой отважный пилигрим достигает наконец цели своих устремлений.	263
Глава 29, в которой происходит много странного — но, в общем-то, ничего удивительного	279
Глава 30, в которой мы погружаемся в чужой внутренний мир — и, увы, обнаруживаем там очень мало разумного, доброго и вечного	289
Глава 31, в которой знакомая нам компания значительно увеличивается	292
Глава 32, в которой происходит нечто, на первый взгляд к нашей истории не относящееся, но чреватое некими значимыми последствиями в дальнейшем	306
Глава 33, в которой проясняется кое-что существенное, имеющее касательство к изложенному в предыдущей главе	312
Глава 34, в которой энтузиаст своего дела, соблазнившись на посулы, принимает рискованное кадровое решение.	319

Глава 35, в которой самый непутёвый из наших героев становится жертвой чужой мстительности, а также коварства мнимых друзей . . .	328
Глава 36, в которой наш пилигрим упускает чуть ли не из рук нечто, ценности чего покуда не понимает	341
Глава 37, в которой наш юноша приходит в себя, а его отец ошибается	353
Глава 38, в которой мы холодно наблюдаем за страданиями прекраснейшей из прекраснейших	364
Глава 39, в которой отважные сердца гибнут, как и положено гибнуть отважным сердцам — то есть храбро, тихо и бесславно	375
Глава 40, из которой автор сего сочинения узнаёт о себе и своём творчестве нечто нелестное	384
Глава 41, в которой наш непутёвый герой неожиданно встречается с неким знакомцем, отчего впадает в беспокойство	394
Глава 42, в которой пилигрим случайно сталкивается с некими явлениями, значение коих понимает не вполне	414
Somnium. Сон Базилио	432
Глава 43, в которой мы обретаем повод убедиться в непостоянстве фортуны	438
Глава 44, которая как бы намекает нам, что не всякая успешная презентация радует заказчика по-настоящему.	451
Глава 45, в которой внезапная страсть одерживает верх над благоразумием, но пробуждает скрытые силы души	468
Глава 46, по прочтении которой у нас появляется шанс осознать, что коррупция и в самом деле пагубна	481
Глава 47, в которой почтеннейший из наших героев сначала пытается следовать древним традициям, а в итоге пополняет команду	497
Глава 48, весьма печальная, ибо тягостно зреть жалкие развалины некогда могучего ума	520
Глава 49, тоже не особенно весёлая, ибо в ней не происходит ровным счётом ничего хорошего.	530
Глава 50, в которой самый непутёвый из наших героев как никогда близок к успеху	537
Глава 51, в которой мы становимся свидетелями воистину чудесного преображения	550
Глава 52, в которой то, что, казалось бы, устроиться уже никак не могло, устраивается самым наилучшим образом	565
Глава 53, в которой мы совершенно ничего не видим, а из того, что слышим, понимаем далеко не всё.	580
Глава 54, касающаяся одной весьма распространённой женской горести, к описанию которой литература обращается редко и неохотно.	589

Глава 54bis, слишком короткая, чтобы давать ей собственный номер, но не бесполезная	595
Глава 55, из которой мы узнаём, что найти на свою задницу приключений, причём смертельно опасных, можно и в самом тихом месте	597
Глава 56, в которой наш юноша — о котором мы давненько не вспоминали — приобретает кое-что, но никто этого не замечает	614
Глава 57, удалённая автором чуть менее чем полностью, дабы не перегружать произведение излишними умствованиями, современному читателю чуждыми.	622
Глава 58, в которой отважный пилигрим обогащается новым опытом	623
Глава 59, которая могла бы быть гораздо длиннее, если б мы решились описывать некоторые сцены в сущем их виде — но мы предпочли скромность выразительности.	636
Глава 60, в которой наш пилигрим делает несколько знакомств, приятных и не очень, но во всех случаях — непродолжительных.	644
Panopticum. Вигилия-синопсис	661
Глава 61, в которой случается столь же ожидаемое, сколь и неизбежное	672
Глава 62, большую часть которой занимает дружеский обмен мнениями, а меньшую — одинокие рефлексии	682
Глава 63, в которой часто звучит слово из трёх букв, каковое многие выговаривают с трудом, особенно в серьёзном разговоре	687
Глава 64, в которой кое-какие дела-делишки сдвигаются с места, хотя и не без скрипа.	695
Глава 65. Самая обыкновенная глава — в которой, в общем-то, всё и так понятно	705
Глава 66, в которой Буратина идёт в школу, а приходит в совершенно другое место	713
Глава 67, состоящая в основном из того, что в простонародье называют мудовыми рыданиями — за каковое обстоятельство мы нижайше просим у читателя прощенья	721
Глава 68, в которой представление наконец начинается	727
Примечания и дополнения.	741
De profundis. Об авторе и его книге	743
In toto. Общие соображения	744
In concreto. Замечания и дополнения к отдельным главам, действиям, видениям, интроспекциям, справочным материалам, выдержкам и иным специалитетам	746

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

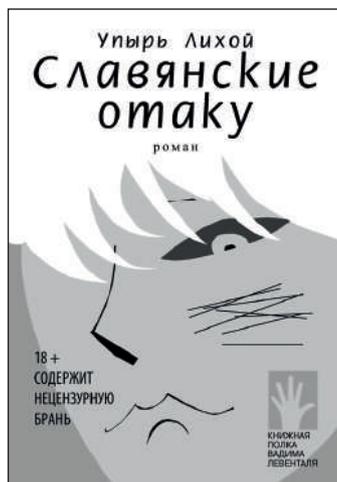
УПЫРЬ ЛИХОЙ «Толерантные рассказы про людей и собак»

Родители маленького Димы интересуются политикой и ведут интенсивную общественную жизнь. У каждого из них активная гражданская позиция. Но вот беда: мама и папа принадлежат к прямо противоположным лагерям на политическом поле. Очень скоро Дима замечает, что трагически расколота не только его семья...

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

УПЫРЬ ЛИХОЙ «Славянские отаку»

Новый роман Упыря Лихого посвящен субкультуре поклонников японских комиксов и мультипликации — так называемых манги и аниме. Побег, который совершают главные герои книги, от серой и грубой действительности — в яркий мир рисованных персонажей, оборачивается для них в конечном счете жизненным тупиком.

Самый бескомпромиссный сатирик современной русской литературы раскрывает в «Славянских отаку» трагическую грань своего таланта.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталья»

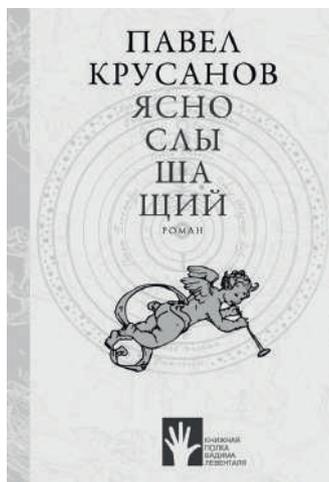
МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ
«XX век представляет. Кадры и кадавры»

Книга Михаила Трофименкова поднимает читателя над двадцатым веком на высоту птичьего полета, заставляет взглянуть в это страшное столетие целиком, а значит — обобщить и сделать выводы. Политика и культура, искусство и война, история и философия в этой книге дополняют и объясняют друг друга. Мощнейшее чтение от одного из умнейших людей России.

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ПАВЕЛ КРУСАНОВ
«Яснослышащий»

Герою книги, человеку с феноменальным слухом, весь мир представляется единой симфонией — в самом музыкальном смысле слова. Подобно пифагорейцам древности, он уверен: гармония сфер и музыкальная гармония — вещи одного порядка и связаны между собой. Он пытается воссоздать и заново организовать творящие звуки, чтобы сделать материю покорной своей воле. Так ли он неправ? И не виновен ли, в действительности, великий музыкальный реформатор Вагнер во всей последующей истории Германии?

Литературно-художественное издание

Михаил Харитонов

Золотой ключ, или Похождения Буратины

18+

*В тексте сохранены особенности авторской орфографии
и пунктуации*

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редактор *Аглая Топорова*
Корректор *Антонина Семенова*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 28.11.2018. Формат 60 x 84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 46,5. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2
тел.: (985) 8000 366
www.fluidfreely.ru
e-mail: fluid@gorodets.ru,
levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

La Comédie inhumaine

Роман Михаила Харитонова носит подзаголовок «нечеловеческая комедия» — и действительно, замысел «Золотого ключа» сопоставим по масштабу и с романнным циклом Бальзака, и с великой «Комедией» Данте (которую, как известно, божественной назвали лишь спустя время потомки). Перед вами книга увлекательная, легкая, гомерически смешная, злободневная, философская, провокационная, переступающая через все табу и нарушающая все мыслимые границы — словом, именно такая, какими только и бывают книги поистине великие.

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

